

СМЕНА

№ 11 июль 1973

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА» МОСКВА

ИНЖЕНЕР
ИРИНА АНАНИЧ—
ДЕПУТАТ
РАЙОННОГО СОВЕТА

СТАНОК И

Станочники — гвардейцы рабочего класса

Научно-технический прогресс ставит новые задачи

По инициативе комсомола растет число участников конкурсов рабочего мастерства

Год третий, решающий — год творчества, год ударной работы

Александр Сабов
фото Дмитрия Вальтерманца
Сергея Петрухина и Альберта Лехмуса

НЕ ТАК ДАВНО на трех московских заводах социологи распространили анкету. Касалась она труда и жизни станочников. Спрашивали социологи у станочников: что более всего ценят они в своей работе? Само ли ремесло? Зарплату? «Родство» с машиной, а значит, рационализаторский искус? Или, может, работу под крышей, не на ветру, не на морозе, не в ходьбе да беготне? Уж а не помню всех пунктов анкеты, наперечет — были эти, были и другие...

Станочник со ставки начинается. Одним из любимых эллиптических украшений на камне было изображение Амура: бог любви, как заврапский станочник, точит стрелы на быстром шлифовальном круге.

Но не будем заглядывать в историю. Оглянемся вокруг. Вон на обочине улицы расположился со своим нехитрым скарбом точилицик. В руках топор, нож, ножницы... Вращается, гонимый электричеством, каменный круг. Лишь только соприкоснется с ним железное лезвие — летит сноп искр. Задумывались ли вы когда-нибудь, что ведь это и есть один из самых древнейших на земле станков!

Твоя профессия

СТАНОЧНИК

Пока не знали ни пара, ни электричества, круг точники вращали с помощью рычажного привода, ногой. Так вращали его в Египте, Греции и Риме, вращали до и после новой эры, до и после Архимедова рычага. Потом пришла паровая машина с передаточными ремнями — трансмиссиями. Двадцатый век дал станку электрическую силу. Двадцатый век сделал станочника богатырем труда. Не зря станочников называют становой хребтом рабочего класса. Нездаром по количеству станков, по численности станочной гвардии, по ее квалификации и знаниям а наш век определяют даже мощь государства. Тут к месту будет короткая справка: в нашей стране более трех миллионов станков, на каждом трудятся один-два человека поменно.

Парк станков растет. Полу станочников прибывает. Но у ворот какого завода не встретишь объявления: «Требуется...? Кто же требуется?» В голове списка, как правило, — станочники: тожари, фрезеровщики, шлифовальщики, сверловщики, строгальщики, зуборезчики, расточники... Почему же станочников не хватает? Чего не хватает станочникам?

Социологи собрали анкеты. Анкет было без ма-

лого три тысячи. Три тысячи, конечно, не три миллиона, именно одного нельзя считать мнением тысячи коллег. Но все-таки три тысячи есть три тысячи. Тем более, что социологическая анкета не мишень, где все стараются попасть в одно «яблочко». Тут выбирай на вкус. Социологи подавали итоги. На одном заводе 83 процента опрошенных, на другом — 69, на третьем — 62 на вопрос, что более всего ценят они в своей профессии, высказались так: товарищеские отношения в труде.

Кто-то усомнится: разве такой ответ — монополия станочников? Да за коллективизм, за солидарность в работе проголосуют люди всех профессий!

Допустим... И все-таки большинство станочников положило свои стрелы в одно коллективное «яблочко» не случайно. Разгадка столь же проста, сколь и таинственна: станки и руки делают одно дело, вместе с искусностью станков растет искусность рук. Еще приметно во внимание множественность станков и рук, и вывод будет на ладошке: усложняются не только технологические схемы — и человеческие связи тоже...

Так что происходит в королевстве станочного?

ВСПОМНИТЕ. Одному из первых отечественных станков дали имя «ДИП». «Догнать и перегнать». Конструктор станка и станочник пролетарского государства бросили дерзкий вызов капиталистической индустрии.

«ДИП» встретил ничем разве что в школьных мастерских... Да кое-где у заводских проходных стареньких, натруженных ветеран отдыхает на пьедесталах. Он заслужил такую честь. Он «догнал».

Революция алкала в станок силу, равную, пожалуй, энергетической. Шли вперешние крестьяне, шли парни в солдатских шинелях на стройки первых пятилеток. Закончили строить, оставались в цехах молодых гигантов социалистической индустрии. Они тоже «догнали». История тезисно вряд ли удержит в памяти имена тысяч героев станочного труда, но они, безусловно, и есть те, кто историю эту делал своими руками. Американец Утний, без малого двести лет назад построивший первый фрезерный станок, пожалуй, разумно счел бы перед ними шляпу. Еще два века назад точность изготовления детали измеряли мизинцем, затем толщиной полях шляпы, позже в

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

смена

ЛИТЕРАТУРНО - ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО - ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года
Выходит два раза в месяц

№ 11 [1105]

июнь
1973

НАША ОБЛОЖКА: ДЕПУТАТ ДЗЕРЖИНСКОГО РАЙОННОГО СОВЕТА ДЕПУТАТОВ ТРАУМНИКОВ ГОРОДА МОСКВЫ ИРИНА АНАНИЧ.

Фото Альберта ЛЕХМУСА

МАТЕРИАЛ «ПОДМОЩНЫЙ ПРЕДСТАВИТЕЛЬ» ЧИТАЙТЕ НА СТРАНИЦЕ 11.

5
ВСЕМИРНЫЙ ФЕСТИВАЛЬ МОЛОДЕЖИ И СТУДЕНТОВ.
Мы — ИНТЕРНАЦИОНАЛИСТЫ.

9
РАССКАЗ АНДРЕЯ ЯКОВЛЕВА «ГОЛУБИ».

12
ГОД УДАРНЫЙ, РЕШАЮЩИЙ. РЫБАЦКОЕ СЧАСТЬЕ.

24
ЧЕМПИОНЫ МИРА ПО ФИГУРНОМУ КАТАНИЮ ИРИНА РОДИНА И АЛЕКСАНДР ЗАЙЦЕВ.

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ:

СОРЕВНОВАНИЕ.
СТАТЬЯ ПЕРВОГО СЕКРЕТАРЯ
МАГАДАНСКОГО ОБКОМА ВЛКСМ
АНДРЕЯ СЕРЕДИНА

МАРШРУТЫ БЕССМЕРТИЯ.
ПАРТИЗАНСКАЯ ПОЛЯНА

КРАСОТА РОДНОЙ ЗЕМЛИ. СВАНЕТИЯ

ВСЕ 24 — ПЕРВЫЕ! РЕПОРТАЖ
О ВСЕСОЮЗНОМ КОНКУРСЕ МАЛЯРОВ

Главный редактор А. Д. ГОЛУБЕВ

РЕДИОЛЛЕГИЯ: В. С. Абашин, Г. П. Елисеев, А. П. Кулешов, А. А. Лиханов [ответственный секретарь], В. В. Луцкий [заместитель главного редактора], В. Г. Победоносцев, Р. И. Рождественский, Е. И. Рыбачков, Г. В. Семенов, С. С. Смирнов, А. Б. Сулиц [главный художник], Ю. В. Томашевский, В. Е. Томашевич

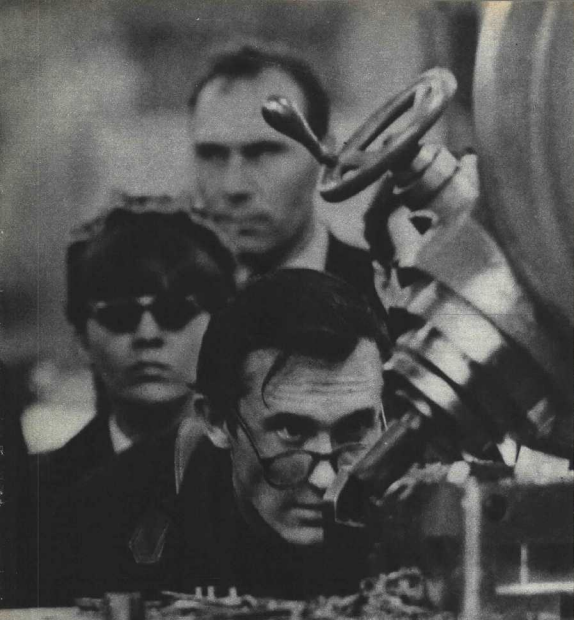
Художник О. С. Теслер

Технический редактор Н. И. Будкина

НА КОНКУРСЕ МОЛОДЫХ СТАНОЧНИКОВ.

ЭКСПЕРИМЕНТ В ЦЕХЕ

зазоры просовывали монеты... Нынче дело дошло до миллимикрон. Когда-то белка вращала колесо быстрее, чем крутился точильный круг, — теперь скорости звука, скорости света.

Вот лишь один эпизод из родословной советского станка.

Перед войной на всю страну прогремело имя фрезеровщика Ивана Гудова. Теория его чудеса: вдвое, втрое, наконец, в десятки раз стал перекрывать смежные задания. В станочном роду в семье фрезеровщиков появились «свои» Стаханов, и какой! Рекорды его казались несбыточными сверхъестественными. Но... все было прощай! Гудов ставил рекорды не один. У него был верный и безотказный помощник — станок.

Гудов начинал станочником-пооперационником (обыкновенный станок — одиночный инструмент — обрабатывалась одна деталь). Гудов сделал универсальным свой станок и сделался универсальным (несколько инструментов — несколько операций — несколько обрабатываемых деталей одновременно). Наконец, Гудов стал мастером автоматической обработки (он в меру возможностей того времени автоматизировал станок).

И сколько имен таких новаторов станочной техники помнит отечественное машиностроение! Генрих Борткович, Павел Быков, Виталий Семинский, Алексей Чув... Точари-скоростники, многостаночники... Обслуживая несколько машин, многостаночником, по сути, впервые создали станок-автомат с механическими «руками». Это уже был прообраз будущих автоматических линий, заводо-автоматов. Еще четверть века назад мы о них только мечтали. Сегодня это будничная техника.

Даже на этом примере видно: за короткое время станок и станочник сделали три стремительных шага вперед.

Когда-то большинство среди станочников составляли пооперационники — так называли их потому, что станки выполняли одну, максимум несколько операций. Станков требовалось много, и станочников — много...

На смену пооперационникам пришли универсалы. Конечно, появились новые станки, но основная карауль объясняется не только этим. За десять лет выпуск станков в США возрос в 6 раз, а технологической оснастки для станков — в 18 раз. Втрое больше! У нас тенденция точно такая же. Технологическая оснастка делает станок «много-руким», прибавляет ему споровки, умения. Вчера станок умел выполнять одну-две операции, сегодня — полный десяток. Вместе со станком и адекватный пооперационник превращается в универсала, исполнитель — в теорю.

У пооперационников разделение труда достигло едва ли не идеала: каждый делал свою малую часть работы, имея представления о целой, совокупной, о конечном ее результате. Универсалы квалифицированное и шире: свою работу, будь то товарная, или фрезерная, или шлифовальная, они могут сделать асы.

Третий шаг — автоматизация.

ЕСТЬ и в станочном хозяйстве «пятачки» вроде темных углов в сенях: все ходит мимо, никто ничего разглядеть не может. А присмотришься — там, в углу, широкая ровнущая спина.

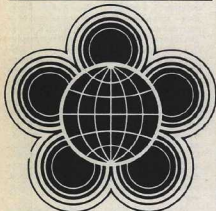
«Короли» старого производства свое землерействие уже пережили: пришла машина, мало-помалу станки стали делать больше, лучше, точнее, чем мог человек руками. Не зря давно умерло в своем настоящем значении слово «мануфактура», в переводе на русский означающее «ручной труд». Пришлось незаминимым мастерам снять все семь замков со своих сундуков и скриньи, в которых хранили они редчайший наследственный инструмент, профессиональные секреты...

«Короли» современного производства вооружены машиной: это станочники-универсалы, инструментальщики... Мы еще совсем недавно были свидетелями того, как в основном производстве завода шагнула комбинная механизация. Начелась бурная перекачка рабочих рук из вспомогательных цехов в основные. У конвейеров встали тысячи исполнителей, обладающих элементарными знаниями и навыками. Доля исполнителей в основных цехах резко превысила долю мастеров во вспомогательных. Такова была объективная тенденция в развитии современного производства.

И вдруг... Вдруг в основных цехах появились сборочные автоматы, автоматические линии. Все меньше нужда в «исполнителях», ведь автоматы обслуживает горстка операторов и надельщики, инженеры и техники. Зато резко возросла нужда в золоторуких мастерах для вспомогательного производства — специалиста по штампам, пресс-формам, инструменту, то есть прежде всего в станочниках. Это они обеспечивают сбороч-

Weltfestspiele

der Jugend
und Studenten

Berlin 1973
Hauptstadt der DDR

Хорст ГОЛЬШИМДТ,
журнал «Фрае вельт», Берлин

Нашей республике не исполнилось и двух лет, когда ее столица, город Берлин, пригласила и себе в августе 1951-го молодежи со всех концов света. Еще смотрели в летнее небо руины зданий — молчаливые свидетели ужасов военного времени, а улицы и площади в центре города уже украсились многоцветным одеялом посланцев всех континентов: здесь царил надежда и уверенность. Вновь и вновь звучала в те дни песня, написанная специально для фестиваля: «Пусть будут летом жаркие дни, пусть в августе розы цветут. Наши гости будут юность всей земли, и мир будет прекрасен, как родня.»

Студент-медик Карл Хехт, который окончил тогда первый курс, не помнит уже, сколько раз пел он эту песню. Но Карл помнит, что в первые студенческие наникулы он — активист нашего союза молодежи — вместе с тысячами своих товарищей был энергичным участником тех жарких дней в Берлине. С юношеским задором и страстью боролся он за наше правое дело: ведь на фестивале собрались не только революционеры, инсценировал враг тоже послан на бой своих наемных агентов. Они пытались помешать

Всемирный фестиваль молодежи и студентов...
Фестиваль мира, антиимпериалистической солидарности, дружбы.
Мы — интернационалисты. Это сказано не только о нас. Но и о наших отцах. О старших товарищах. Два рассказа. Один — об участнике первого фестиваля в Берлине. Другой — о солидарности, родившейся в годы борьбы с фашизмом.

Много лет я собираю материалы об участии советских граждан в антифашистском движении Сопротивления за рубежом, и особенно в Норвегии. Упомяну все новые факты и эпизоды боевого братства трудящихся. Однажды мне прислали из Осло пакет с письмами. Эти необычные письма тайно передавались в течение двух лет советскими людьми, узниками лагеря Эггерстад, группе норвежских подпольщиков-демократов. Ее возглавлял журналист Хелмер Майсен, по кличке Кнут, владеющий русским языком (в молодости он был студентом Московского университета). Патристы-интернационалисты считали делом чести поддержать повстанцев в плену военной освободительной армии, снабжали их продуктами, информировали о положении на фронтах, содействовали побегам и переправляли в партизанские отряды, где не хатало знающих военное дело бойцов.

Регулярная связь установилась не только с центральным лагерем, находившимся на окраине Осло. В феврале — сентябре 1944 года ее налажили и с отделением Эггерстада на острове Рамбергсбей, в Осло-фьорде. Ею зрела Красная Армия громада интернационалов под Ленинградом и Новгородом, освобождала Украину, Крым, Белоруссию, наступила в Польшу. Сообщения о победах всодрушались оторванных от Родины узников, помогали им противостоять фашистским извергам.

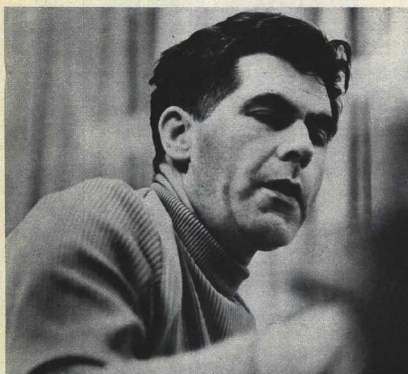
Обязанности главного «почтальона» взял на себя рабочий Расмусальд Гольмбрансен. Он арестовал на острове эмигранта и работал на маленьком моторе. Мимо острова днем и ночью проносились натуральные катера оккупантов. Фашисты неотступно стерегли военнопленных. Везти, казалось, не было никакой возможности. Но именно о победах заговорил в письмах! Три-

DRUSHBA -
KLUB X
HEIT СМЕНА

Ein Gemeinschaftsklub mit der unverzichtbaren Jugendzeitschrift "Sinn" zur Vorbereitung der F. Weltspiele

ПУСТЬ БУДУТ ЛЕТОМ ЖАРКИЕ ДНИ...

ЭТАК ДЕЙСТВУЙТЕ, ТОВАРИЩИ, КАК ПОБЕДИТЕЛИ

напасть рынки бежали на Эггерстада, а двое вырвались даже с острова!

Мояма нашим людям, норвежские патриоты не думали, что совершают ошибку. Но сделанное нами дело не забыто. Указом Президиума Верховного Совета СССР Хельмер Майден, Гамзеланд Гольбрандсен, его жена Ингрид и ее брат Вярне Халворсен награждены «за мужество и отвагу, проявленные при спасении советских воинов-освободителей в первой Великой Отечественной войне», орденами Красной Звезды. С благодарностью вспоминаю об этом. Гамзеланд Гольбрандсен недавно писал мне: «Желаю советскому народу, асаду Советскому Союзу успехов в борьбе за мир!»

Ниже публикуется часть секретной корреспонденции с острова Рагбергстад, полученной в годы войны и сохранившей персяжачи. Это кратчайшие документы протекторской солидарности.

Михаил ИСКРНИН

24.IV.1944 г.

От известных вам.

Здравствуйте, дорогие, борющиеся за правое дело товарищи норвежцы!

Передом нам дружеский привет и пожелания наилучших успехов.

Нас здесь закабалили, но в душе у нас осталось: наше дело правое, враг будет разбит, победа будет за нами. Несмотря на зверские когти, которые дурут нас, мы все же хотим внять новости и хотим быть слиточными с теми, кто поддерживает правое дело.

Братья! Будьте стойкими и защищайте дело освобождения до последней капли крови. Несмотря на то, что враг коварный и злой, ему приходится крах. Наши бойцы и командиры бьют его и не дают опустыть.

Уважаемые граждане Норвегии, слышите, что мы имеем нового в жизни и что можете сказать о своей работе. Опишите подробнее все обстановку и настроение.

С приветом. Ждем ответа.

15.III.44 г.

«Ваши письма нас поощряют, и нам кажется, что мы здесь не одиноки... Дорогие товарищи, только в союзе и тесной связи рабочего класса будет добыта победа.»

Ждем вам руку.

17.III.44 г.

Дорогой товарищ (имеется в виду Хельмер Майден), мы получили ваши письма. Мы хотим сообщить вам о своем рабочем деле. Мы хотим вернуться на оверлово врага — фашизм, который недавно отнял жизни наших братьев, отцов и сестер на фронтах Отечественной войны... А сколько погибало наших товари-

ществую, но так и не смогли нарушить общую гармонию и веселье. Карл Хелт в гонимой рубашке Союзу свободной немецкой молодежи танцевал до упаду «Латренион», смотрел выступления художественных коллективов разных народов. Больше на соревнованиях спортсменов и много бесконечных дискуссий, продолжавшихся до ночи, вновь убеждаясь, что он верно определил свое место на баррикадах.

С тех пор после 22 года, и социалистической Берлин опять готовится радостно встретить посланцев молодого мира. И землеморы наряды радости прибывали фестивальных цветов с пылью разноцветными ленточками — сиреный символ предостерегающей всемирной встречи. Столовая приуменьшается для встреч своих молодых гостей. А молодость студента-медика Карла Хелта вместе с собой ветер времени. Прощай, Карл! Пожелай студенческие годы, оставшие лишь неутомимая жажда познания. Юноша, числившийся некогда под номером 10793 на медицинском факультете всемирно знаменитого университета имени Гумбольдта, давно уже превратился в заслуженного врача и ученого, в сотрудничестве с доктором ГИР, профессора, доктора медицинских наук.

ГРАСКИЙ КОНОХ

Маленькая деревушка в долине реки Унструт, где он первым из своих

семь братьев и сестер морозным февральским днем 1924 года увидел свой домик. Он лежал в долине одной скальной страны, в которой текли молочные реки в нисельных берегах. Лишь один человек купался здесь в благоухающей виадеке, поймавшей графья фото. Карл Хелт, который и не, будучи одним из главных приспешников Гитлера, командовал отрядом штурмовиков и был замешан в поджоге Рейхстага, а также в нацистского преступления, послушников предлогом для необузданного террора фашистов против всех демократических сил. Карл Хелт, который был безземельным бароном во владениях графа. Власть благополучного деспота была так велика, что даже уездные милиционеры классов деревенской мирношлюхи приходилось после заката, продолжавшихся всего два часа, гнуть спину на господских полях. Те громы, которые Карл пожелал за свой многоочасовой труд на прополке семян и уборке картофеля, исполняли скучный семейный бюджет.

Маленький Карл учился хорошо и охотно и каждую свободную минуту посвящая книгам. Чтение было для него не самой большой радостью детства. Когда один из его товарищей по школе, сын мельника, пошел учиться в среднюю школу, Карл спросил с надеждой у глаз: «Мам, а ведь можно смотреть на своего старшего сына, а потом, занимаясь слезами, ответа: «У нас на это нет

цей, попавших в плен... Вы, наверное, еще не знаете, как издевались фашисты, как люди мучились от голода и холода... За одну ночь умирали по 200—300 человек... Но мы надеемся за все это отомстить!»

В следующем письме, если это вас интересует, мы продолжим о всех издевательствах над нашими товарищами. Прощай, если можно, пришлите нам бумагу и карандаш...

26.III.44 г.

«...Собором, что бумаж и карандаш получили, но что было благодарно. Мы беспокоит, что вы превали с нами связь. Мы не знаем, почему. Написали вам письмо, но помним, какого числа, но ответ не получили. Или что с нами случилось, или нас стали подозревать фашистские власти, или просто не стали быться. Все только потому, что в нас не сомневайтесь, мы все вам открылись во всем. Но если вас стали подозревать, то это — дело другое. Дорогой товарищ, если есть возможность, пишите ответ. Сообщайте нам все события, происходящие в международной обстановке. Мы будем очень рады вашим сообщениям.»

27.III.44 г.

Дорогой товарищ, с чувством глубокой радости мы сегодня вечером читала ваше письмо о победной Рабоче-Крестьянской Красной Армии, которая горит и гонит авального врага...

Когда у нас была прервана связь на некоторые время, мы чувствовали себя, что это конец всей жизни, но сейчас мы опять будем чувствовать, что не одиноки...

Ваше благодарный ваш товарищ, толстого старика норвега, который живет на нашем острове (фамилия мы его не знаем), на его бездельное отношение к нам и помощь. Это наш первый друг. За его сочувствие к нам выражаем ему глубокую признательность.

30.III.44 г.

Вы пишете и объясняете, что у вас не хватает времени сообщить нам все новости. Мы это отлично сознаем, и вас, дорогой товарищ, несколько не обвиняем. Нам очень обеспокоило ваше последнее письмо. Мы хорошо понимаем, в какой обстановке вы сейчас работаете среди оверлово врага, даже не имея постоянной связи, и просим писать нам только по силе возможности, но если у вас не хватает времени, то используйте его для более срочных дел...

«Еще сообщаем, что книги, которые мы прислали, мы прочитали. Напишите, когда их можно будет прислать. Вместе с тем просим вас: если есть еще русские книги, пришлите нам. Мы их с удовольствием прочитаем.»

Ваша друзья Лотиков Михаил, Брувилян

Яков, Бахилин Николай, Попов Илья, Медовиков Владимир.

31.IV.44 г.

Дорогой товарищ, с чувством глубокой радости мы получаем от вас письма на нашем русском языке. Не считайте их с нашими трудностями. Мы благодарны вам за то, что вы пишете, что ваши труды направляются в подпольном бумажке, когда враг будет окончательно разбит...

10.IV.44 г.

Здравствуйте, дорогие товарищи! Когда мы раскрыли ваше письмо и стали читать, мы поверили своим глазам и аргументации по несколько раз строки, написанные нашими командирами (артиллеристом Аркадием Смиговым и летчиком-истребителем Николаем Ермоловым, которые бежали из лагеря Эггерстад и были удержаны в Осло. М. И.). Каждый из нас даже не мог увидеть спокойно на месте. Мы теперь уверены, что действительно мы, русские земляки, вместе с норвежскими рабочими в тесной связи... Это подтверждает и тем, что даже молодые девушки, несмотря на жестокости фашизма, помогают нам, и каждый уверен в том, что скоро мы будем вольно, с винтовкой в руках уничтожать фашизм...

Мы, которые мы получили, читаем с большой жадностью...

Вас интересует, что каждый из нас написал, в какой части служил, где и как попал в плен. Это мы опишем, но просим и вас — напишите о себе.

Осведомленным вкратце:

1. Вружанин Яков Иванович (Сталинград). Служил в 6-й армии, был в плену, 1814 км. поля. Попал в плен на Харьковском направлении во время окружения в 42 г. 21 год.

2. Медовиков Владимир Александрович, родился и жил в г. Ленинграде, пошел на фронт добровольно, был ран в окружении под г. Кингисеппом, но выжил. Попал в плен на 42 г. под Ленинградом, ст. Ивановская, раненный в ноги пулей. Сейчас 21 год.

3. Лотиков Михаил Иванович (Сталинградская область) был мобилизован на фронт 4 июля 1941 г. зачислен в 4-й истребительный в 10-й батальон, в 4-м дивизионе. Действовал в районе Луги и Кингисеппа. Окружен в 1941 г. в августе месяце, число точно не помню.

5. От Попова И. С. Служил в 381 ЗАП, в 4-м дивизионе, в 1-й батарее. Был контужен мячом,

денег, мой мальчишко. Вот и ходил Карл в школу для деревенской бедноты, читал, когда только была возможность, а в 14 лет став, как и его отец, батраком. Он канцелярщиком в поместье графа Шеррин фон Кроссик, министра финансов в гитлеровском правительстве.

После поношения была казарма. Карл стал солдатом. У если пришлось, так надо попороть хоть как-то принести пользу, подулал он и попросился в санитары. Незадолго до конца войны в Южную Германию, на Рейне, он попал в плен к американцам. Когда наступил день освобождения, Карлу пришлось прибегнуть к вынужденному обману. Его родственники жили на востоке Германии, в тогдашней советской оккупационной зоне, а пленным отпустили только в западные зоны. Карл назвал первый пришедший на его город в Западной Германии, вышел из лагеря свободным человеком и в Базарии впервые познакомился с немецкими коммунистами. Идти на другую сторону, — посоветовали они молодому человеку. — Твое будущее там. В один прекрасный вечер он тайно перешел демаркационную линию, еще не ставшую государственной границей. Во всех советских частях, мимо которых он проходил, царило веселье. Лишь много лет спустя Карл Хейт узнал причину: день, когда он шел в лучшую Германию, был 38-й годовщиной Великого Октября...

МОЗГ И СЕРДЦЕ

На рабоче-крестьянском факультете он навстречался то, чего был лишен в буржуазном государстве: здесь Карл Хейт получил аттестат зрелости. Когда в 1930 году он поступил в университет имени Гумбольдта ему было уже 26 лет. Он начал учиться у таких ученых с мировым именем, как советские профессоры доктор Синацкий и доктор Федоров, которые были приглашены для чтения лекций на физиологическом факультете университета. Проникая в сложные процессы физиологии высшей нервной деятельности, описанные когда-то Павловым, он постигал и другие сферы жизни: перед ним раскрылись закономерности развития человеческого общества. Карл познакомился ближе с классиком марксизма-ленинизма. То, что в детстве, в юношестве и в казарме, виделось ему лишь в довольно расплывчатых чертах, теперь начинало отчетливо доходить до сознания. Очень скоро он понял, что учебник и классовая борьба для социалиста не исключаются друг друга понятия. Он хотел стать не узко-ограниченным специалистом, а нейрофизиологом, отдавшим все свои силы общественному прогрессу. Вот почему Хейт — один из основателей первого студенческого научного кружка, занимавшегося павловскими учением о высшей нервной деятельности. Накопленный опыт помог ему организовать

по поручению Центрального совета ССММ такое же студенческое объединение в других университетах страны.

Секрет Карл Хейт — заместитель директора известного далеко за пределами республики Центрального института по изучению среднечелюстной патологии в Берлине. Одна из проблем, которым он занимается, — связь между нарушениями центральной нервной системы и сердечно-сосудистыми заболеваниями. «Нам», — рассказывает наш герой, — удалось точно показать, что, например, гипертония может вызываться непрерывно организованными процессами обучения, определенными отрицательными привальными и склонностями. Частое чувство страха и постоянная нехватка времени приводит к повышению кровяного давления. Постоянное повторение этого процесса, управляемого из мозга, оставляет следы в пальцах, которые замечаются там, в конечном итоге так сильно, что вызывают развитие постоянного болезненного процесса. Этого можно избежать, если обучение будет протекать при благоприятных условиях, при положительном настрое по отношению к учебе.

ОТ МОСКВЫ ДО ВАШИНГТОНА

Еще студентом Карл Хейт по поручению Союза молодежи совершил в 1934 году свое первое дальнее путе-

шествие — в Осло на международную встречу студентов-медиков. Он подробно написал об этой встрече в «Форуме» — студенческом журнале ГДР, активистом которого был, как корреспондентом которого был с самыми первыми номерами, и резюмировал: «Здесь вновь было доказано, что студенчество и педагоги в обстановке мира, дружбы и взаимного уважения являются лучшим путем к решению всех проблем».

Двенадцать лет спустя д-р Хейт летит на международный конгресс по невропатологии в столбу США Вашингтон.

В том же году он и его жена Тамара, старший научный сотрудник того же института, едут в Москву на международный конгресс психологии. Доктор Хейт выступает перед коллегами со всего мира на английском языке — выступает человеком, которого буржуазное государство не дало возможности хорошо изучить даже своей родной язык.

Доктор Хейт в последующие годы участвует в международных конгрессах в Швейцарии, Чехословакии, Венгрии, Италии, Бельгии, Дании и ФРГ, дискутирует с коллегами по научной деятельности. После каждой поездки в коллективе друзей и знакомых он рассказывает на страницах газеты «Юнге вельт», центрального органа ССММ, о своих впечатлениях, о жизни людей в условиях капитализма, обо ученых Хейт и коммунист Хейт.

РАГНИВАЛЬД ГЮЛЬБРАНДСЕН.

ХЕЛМЕР МАДСЕН (КНУТ).

ДОМ, В КОТОРОМ СЕМЬЯ ХАЛВОРСЕН УКРЫВАЛА И. ПОПОВА.

направлен в госпиталь, но путь был перерван: немцы устроили засаду. Было это в 1941 г. 27 декабря. Мой адрес: город Соплиштад, поселок имени Ворошилова, село Верхняя Ошлянка, Первомайская, 137. (По этому адресу не проживает. — М. И.)

13/IV-44 г.

...Здравствуйте, дорогие друзья, норвежские рабочие и работницы и наши дорогие товарищи старшие лейтенанты! (А. Смиан и Н. Ермолов. — М. И.)

Ваше письмо, которое мы прочитали несколько раз, пробуждало в нас прошлое, когда мы вместе с вами сражались на фронтах Отечественной войны против внезапно напавшего на нашу свявленную Родину озверелого врага, и вот мы в настоящее время находимся в застенках фашистских извергов. Мы можем еще раз с вынужден в руках доказать свою преданность и любовь к своей Родине.

Еще, дорогие товарищи, от нашего имени передайте искреннюю благодарность норвежским рабочим за отеческую заботу о русских военнопленных.

17/IV-44 г.

...Сегодня в нашем бараке, где мы живем, немцы провели тщательный обыск, но то, что мы хотели обнаружить у нас, они не нашли. Только наш топор и молоток. За это самое они нас оштрафовали на двое суток продуктами. Совсем ничего не давали купить, но мы, товарищи, особенно Хейт, не плачем. За двое суток они нас не уморят, а только больше сделают враждебными к ним.

24/IV-44 г.

...С большим вниманием читали ваше письмо. Наши старшие лейтенанты уехали в Швецию. (В тот момент переправит Синаки и Ермолова к партизанам, уходящим в Швецию. — М. И.) Нам очень жаль с ними расставаться, мы их считаем своими лучшими товарищами, как и вас, братья по классу, но это, может быть, к лучшему, что они уехали. Хотя мы не знаем основную задачу их поездки, но мы представляем их как патриотов своей Родины и бесстрашных героев.

28/IV-44 г.

...Вы пишете, что от наших товарищей, которые уехали в Швецию, еще известий нет и вы еще не знаете, благополучно ли они пробыли через границу, но во всяком случае у вас есть уверенность, что они сплоской продукт. Мы также очень беспокоимся о них, и мы также уверены, что они должны пройти. И это будет очень хорошо, если мы в дальнейшем получим от вас

делают IV съезда Социалистической делегат партии Германии... это один человек.

ЧЕЛОВЕК РАДОМ С ТОБОЙ

В ПЕРВЫЕ ПЯТНАДЦАТЬ 60-х годов Карл Хехт опубликовал в газете «Бернэр цитгерт» серию статей, широко популярную публику с физиологическим и психологическим проблемами руководства. Эта публикация имела большой резонанс. По его совету, в городе Раггедо из окружного центра Зуль-Др Хехт выступил перед руководящими работниками различных предприятий и учреждений. В итоге вышла первая книга о правах книга «Человек радом с тобой» — плод многолетнего труда. В ней было сведено воедино, расширено и дополнено все, что он успел написать и сказать по проблемам руководства людьми в социалистическом обществе.

Но и это не все: кто сочтет встречи и диспуты, на которых ученый выдвигал перед руководителями, студентами, солдатами, рабочими и руководителями на темы, охватывающие широкий круг проблем — от медицины до общественных наук!

Эта сторона деятельности Карла Хехта вполне объяснима для нас, кто знает жизненную установку этого человека, отвергающего образ жизни в «башне из слоновой кости».

короткие новости о наших товарищах... (Вступили в переговоры с гитлеровцами, переговоры закончились провалом... воевать пришлось через границу. Позднее Смигд вернулся на фронт и погиб в одном из боев. Судьба Ермолова пока неизвестна. — М. И.)

Второго товарища, признавшего к нам в субботу, 20 апреля Смигдина будет там, где было раньше, в часовой.

3/17-44 з.

Добрый день, дорогой товарищ! Мы очень просим написать, так как очень волнуемся за вас, благодарю вас за письмо и вы вернулись сюда. Очень отчаянно нуждаемся в вас (Встречу сорвал организационно, однако надежды удалось вложить в моторку и отплыть. — М. И.) И мы сейчас только одно волнуем: все ли у вас в порядке? Мы не хотим верить, что вы все равно, и мы ко всему привыкли.

Рус. в. п. Вет. даты.

Здравствуйте, друзья!

Получил второе ваше письмо и даю короткий ответ. (Это письмо, как и большинство других, написано рукой Люткова. — М. И.) Сейчас очень напряженная обстановка в лагерях. Там следят и расследуют с особой тщательностью, чтобы не сказать — ищут, за что запениться. Поэтому временно прекратил переписку. (Вскоре переписка превратилась совсем. Счет военнопленных, в том числе и Попов, переместился в остров на западе острова Насоценд также в Осло-фашисте. — М. И.) Потталона предпринимает все осторожные. Привет от всех. Пишу коротко, прямо на работе. С приветом.

ПОБЕГ

Воспоминание бывшего унтера Оттерстада И. Попова, оставшегося в плену

3/17-44 з.

Работал на полдние камня. Подходил фангелом, называемым фангелом и ливерной котлетой. И еще одного товарища, с которым я находился вместе полтора года и делался каждой крошечной вещи. (Речь идет о М. Люткове, бездельнике. — М. И.) Повел меня в фангелский штаб. Там меня спросили, где находится мой товарищ... Я ответил, что не знаю.

Тогда меня повели к офицеру. Офицер допытывался, где мой товарищ — Лютков. Я опять ответил, что не знаю, вывел из офицера и поставил возле меня постового. А унтер-офицер зашел к офицеру, и что-то тот ему приказал.

Тогда унтер повел меня к себе в барак. Там его спросил солдат, куда, мол, его поведете. Он ему ответил: в туалет, в тюрьму. Картина легкая — хотаял расстрелять.

Вывел меня унтер и повел на пристань. Я по

«Научная деятельность без тесной связи с жизнью сегодня, при социализме, невозможна», — говорит он. — Понимая эту истину, современный медицинский работник обязан расширять сферу общественной деятельности. Это отнюдь не лишняя нагрузка, как считают некоторые, а скорее жизненный источник».

ДОКТОР ТАМАРА

Ее родители — немецкие коммунисты из города Эппенхайм — эмигрировали, спасаясь от фашизма. Там, в стране друзей, в городе Эппенхайме, в 1937 году родилась Тамара. Мать работала в текстильной промышленности на освобожденном родине. Тамара окончила здесь среднюю школу, была член-корреспондентом факультета в Галле и была направлена на учебу в Советский Союз. Часта курсы она прошла в 4-м медицинском институте в Москве. Одним из ее учителей был профессор Антонин, всемирно известный специалист по инфекционным болезням и физиологом. В 1960 году, незадолго до окончания учебы, она пришла к профессору Бакулину, директору неспециальной клиники, чтобы поступить в институт патологии, и сказала, что хотела бы работать над диссертацией «в какой области?» — спросил профессор. Тамара ответила, что хотела бы заниматься патологией, но она без тем сомнения. Профессор позвонил по телефону. Через несколько минут в комнате появился

путь попросился со своими товарищами и сказал им: «Не забудьте, как я прозвонил. Не могу вовремя убекать».

Когда унтер вывел меня за ворота части и связал мне руки, я спросил, для чего он это делает. Он ответил: вы держали связь на острове с товарищами».

Тогда мне ничего не оставалось делать, кроме как бежать. У меня был подвешен норвежский ножик на поясе под пиджачком. Я стал перепрыгивать об него веревку. Когда она оборвалась, руки освобождены, я прыгнул через полутораметровый забор с колючей проволокой. Мне удалось ухватиться за железный шпиль. Я был в отчаянии.

Я услышал выстрелы — 1-й, 2-й, 3-й, 4-й. Он меня ранил в ногу, в правую. Я упал в яму, но быстро оправился. Попытавшись еще три выстрела, один за другим. Я еще перескочил через забор и прыгнул с трехметровой обрыва вниз, в кусты. По кустам я пробрался метров сто и оглянулся. Убедился, что фангист меня потерял из виду. Тогда я сбросил пиджачок, разорвал на клочки немецкую рубашку и остался в одной майке, брюках и русских сапогах.

Перешел болото, разлузил, посмотрел рану. У меня было кровно с водой полсанова. Перезавал рубану носком пиджачком. Пронес еще в полсанова, и начал искать убежище. Я увидел в стороне овраг, оканувался вода. Я встал и начал пробираться сквозь густой орешник. Дошел до первых норвежских домов. Перелез через забор в сани. Осторожно подошел к одному домику. Погрозил за дверь. В домике никого не оказалось. Я отодвинул диван и лег за него. Так пролежал до темноты. Встал. Зависел около. Зажег свет. Начал думать, что-либо попить. У меня не было ни рту.

Продолжал еще двое суток. Купить ничего не было. Я увидел в окне, что можно ночью наколоть картошки. Так и решил сделать. Дождался ночи, вылез из укрытия и погрозил пальцем в домик. Мне пришлось спрятать в одну корзину сырой. А сырая картошка — это не пища...

Бежать с раненой ногой мне было тяжело, но никак выхода нет. Я решил бежать к своим товарищам-артистам, с которыми был знаком три месяца. Я думал, что они мне помогут в беде.

Мне предстояло плыть через камни, горы, заборы, колючую проволоку да километром 6 восток. Ориентироваться было трудно, путь незнакомый по ру.

Настали пятые сутки. Жду ночь. Минуты тикают часами. Часы длинные, как годы. И вот стемнело. Примерно часов в 11 быстро собрался, взял с собой только то, что было необходимо. Подходящая. Надел купальник халат, сверху плащ и вышел спокойно, без лишнего шума.

доктор Хехт — руководителем отдела нейрофизиологии. Так они познакомились. С этого момента они работали вместе, у них нашлись общие интересы и увлечения, и три года спустя, 22 апреля 1963 г. они заключили союз на все жизни.

Доктор Тамара — секретарь парторганизации института. Общественная активность мужа передается и ей. Она является членом комитета Берлинского района Панков, ведет большую и ответственную работу.

У Тамары и Карла Хехта трое детей: Бери, Оливер и Валентина. — трое веселых ребят, которые доставляют своим родителям много радости.

Счастие трое становится счастлием пятерых, ибо родители посвящают детям каждую свободную минуту. Каждый пытается почитать друг друга, сполно обдумывает, где ему надо, может быть, в чем-то поступится своим интересам. «Наш день расписан по минутам, а отдых наступает только чаще всего в играх с детьми и совместных занятиях спортом». Тамара поясняет: «Каждый знает свои обязанности по домашнему хозяйству, и поэтому здесь тоже все идет гладко». И обо всем: в нашем обществе работа приобретает все более дутовно-творческий характер и поэтому во все большее значение становится переход от труда к отдыху.

БОГАТСТВО ПРОФЕССОРА

Карл Хехт — богатый человек. У него есть работа, которая его удовлетворяет. Работа, которая его волнует. Дети, которые его любят. Работа с молодежью, он остается молодым: не поверить, что в будущем году уже исполнился пятидесять. У него много друзей, которые готовы поговорить отменить — у него действительно нет.

Например, у него нет никаких капиталов. Его скромность и естественность истинные. У него нет телевизора, как бы много его было и он слагил вечерами работать над книгами и докладными И, наконец, у него нет машин. Зато все семья ездит на велосипедах. Это здорово, а это легко.

И еще одно можно сказать с достоверностью: когда в жаркие летние дни посланцы молодежи мира собираются в социалистическом Берлине, профессор Хехт тоже примет участие в их встречах вместе со своей женой и детьми.

Между прочим, личный вклад этой семьи в подготовку фестивалей уже сделан. В настоящее время популярная брошюра под названием «Изменный ритм молодежи, входящая в издательство молодежной литературы «Июль» — немецкая и посвященная X Всемирному фестивалу молодежи и студентов.

Пробираться осторожно между домами, садом. Пытаясь избежать внимания, вылез из проволочной ловушки, выбрался на каменистый берег, сбросил винз, в лощину, и вот оказался перед мной залив, сверкающий сотнями разноцветных огоньков. Подошел я к берегу. Лодок очень много. Но тут же одной из них оказался вестя. Что делал? Пронес метров 20 и случайно наткнулся в кустах на пару ульев. Уселся в лодку и оттолкнулся от берега. Крепко налег на весла... Не скоро показались последние острова.

Я подошел к норвежской рыбацкой лодке и толкнул туда. На койке лежал ювер. (Ригвальд Гольбранден. — М. И.) Я ему рассказал кратко свое дело. Он дал мне хлеба, масла, рыбы, вина.

Через минуты три ходят мои друзья, еще трое. (Игрид, ставшая позднее женой Гольбрандеса, ее брат Вырине Халворсен и упоминаемый в письмах старший ювер. — М. И.) Принесли мне хлеба, помидорный соус с картошкой. А через 10 минут принесли мне одежду передереться. Мы вышли с одним товарищем. Сели на моторную лодку и поехали на восток. Подехали к одному острову. (Лютков — десктопный друг, где можно было укрыть беженца. — М. И.) Гольбранден мне сказал, что через три с половиной часа приедет за мной...

Вот так и началась история товарища Кнута, с которым держал связь на острове, и Гольбрандеса. Я быстро ушел в моторку... Подъехал к берегу, слез я, то есть Попов Илья С., и мой товарищ Кнут. Он сказал, что выжили только двое из семи человек. Пошли вместе в гору. Кнут ширеши, а я ковыляю след. Когда дошел до станицы (название не знаю), мой товарищ пошел ближе бытцы. Сели в лодку. Проехали минут 15 и слезли. Шли до дестраляльного уаце Осло. Крутом отквартел, солдаты, полиция. Мы с Кнуптом иддем квартал за кварталом, и вот двор. Во дворе ни души. Поднимаемся на второй этаж деревянного дома. (Здесь, на Гребенштрассе, в доме своем жилища, полагался Ингрид Халворсен. — М. И.) Проходная комната. Открыли дверь, и Кнут сказал: «Вот мы и приехали».

А через часа три пришли хозяева дома. Живородная, веселая женщина Ингрид забеспокоилась: «Вы куда хотели?» Они быстро принесли бутербродов с рыбой, сыром, вареным кофе. Я рассказал все, что со мной произошло... И мы поехали. (Врач Халсен сразу зашел рану И. Попова, и тот ушел за А. Смиглом и Н. Ермоловым ушел в Швецию. — М. И.)

А через несколько дней, не щадя своей жизни, борючись с колючей проволокой, вылез из башни. Попытку нелегальной работы, за спасение русских военнопленных.

Андрей ЯКОВЛЕВ

РАССКАЗ

голуби

Рисунок Ильдара УРМАНЧЕ

Отац мой вдруг полюбил голубей. Не знаю, чем они ему так приглянулись. Шумной тучей носились голуби над помойкой, имея вид лихой и неопятный. Иногда их выгоняла покорный во двор какая-нибудь старушка, и тогда они набрасывались на нее, терзая воздух шумом тысяч крыл. Веселые были ребята. В тот день они всей командой заехали к нам на балкон и стали крутить круглыми шеями в надежде чего-нибудь свистнуть. Отец подошел к окошку и начал их разглядывать. Голуби нахохлились и закурлыкали.

— Холодно вам, бедняги,— сказал отец.— Уж скорей бы лето... Сколько можно зиму зномять!

Голуби мальчишкам дали понять, что ждать действительно невагому. — То-то,— сказал отец.— Завели мы вес, а кормим от случая к случаю. И все почему-то старухи. А молодежь где? Голуби не знали.

— Нужны вам утепленные кормушки,— решил отец.— А вообще-то, ребята, с вашим характером вам бы на большую дорогу, в разбой... Ну, это как получится. Голуби шнагали на отца своими рожками глазами, ожидая, что будет дальше. Отец между тем довольно быстро организовал утепленную кормушку: насыпал им крупы и открыл дверь на балкон. Голуби клевали и грелись домашним теплом.

— Простудитесь! — крикнул я.

— Ты бы лучше за хлебом сходил, когда тебя просят! — совершенно впопых крикнул отец.— Не видишь, крупу им скармиваю. Мама нас убьет.

Нас! Его. Меня она уже сегодня убивала. Я выглянул на кухню. Отец привычно колдовал с голубями. Дело в том, что он уже две недели болел гриппом, сынью от этого малялся и со слезами принимал всякую мелочь. Поэтому, наверное, взялся за этих птиц. Дверь на балкон заперлась, отец вошел в комнату, сел, взял газету и стал смотреть на меня.

Я был занят простым делом, но ползаями: переписывал заново телефонную книжку. Она у меня вся истрепалась. А этим летом в Сибири даже испугалась в реке. К тому же многие телефоны сделались лишними: девочки вышли замуж. К чему их переписывать? Семья должна быть крепкой, как бетон. Так говорил сторож с птицефабрики, где работал наш отряд. В субботу он выливал соев и уверял нас не ходить на танцы, детенок не смущать.

— Москвич любую может до греха довести,— объяснял он, глядя на нас с любовной опаской.— Только серьезности в этом никакой. Вам же нужно назад вернуться, образование кончать. Перемогитесь, ребята, до Москвы. Вот где, небось, танцы!

Ошибался старик. Таких танцев, как тогда, летом, никто из нас не видел и вряд ли увидит. Двое парней на заочное перешли, остались доstrarвать.

Тут в ход мысли вмешался отец.

— Всегда поражало, как долго человек умеет заниматься ерундой,— высказался он, шурша газетой, как еж.— Ну чего ты в книжечке ковыряешься? Сколоты лучше кормушку для голубей. Вон как мечутся, бедные.

Я с отцом спорить не люблю.

— Сколочу, пап, ладно. Потом. А вот он любит. Любит — и все.

— Твое потом через сто лет будет. Сейчас сколоты. Всея работы на десять минут. И не прерывай ты по каждой мелочи. Делай, как тебе совету-ют. Так для нас обоих будет лучше.

— Нет, пап, не думаю.
— Отцу я меня отпустил. Он учитель. Со своими пятиклассниками он очень дружит, хотя большую часть времени они проводят на голове. Зато в недолгие минуты спокойного поведения они слушаются и уважают отца. Отец постоянно ставит мне в пример своих учеников. Его воспитание их слышательное и любознательное. Отец все буквально сватывает на лету. Грешен, но могу похвастать этим качеством. На обдумывание отцовских со-ветов мне нужно гораздо больше времени, чем среднему пятикласснику. Такой уж у меня возраст. В одной статье я вычитал, что родители могут со-ветовать детям только до четырнадцати лет, а потом надо помогать, чтобы индивидуальность не загубить. Отец только усмехнулся горько, когда я по-казал ему это место.

— Ты чиник! забываешь выключать и не передаешь, что по телефону за-вонит, — строго сказала она. — Тебе надо быть индивидуальным, надо думать, а не как нормальный человек себя.

— Я обиделся на нормального и сказал: иди ты нормальный. Отец обиделся на «я-то». Наша жизнь с ним наполнена ливнями кораблей, где он был капитаном, а я командой. Команда была ливня и глупа и постоянно грозил бутылкой, а он строил и штурвалом с пистолетом в руке, волею, отчаян-ным, и направлял корабль куда надо. Вот и сейчас отец решил сам сколотить кор-мушку.

— Сам сколотил кормушку, — сказал больной отец, — жаловалась мама.
— Зато он их берет крылом, — утешал ее отец. — А того, нахального, в глаз кидают!

Голубям, видеть, нравилось такое внимание. Они старались изо всех сил. Когда отец пришел новость творения, их тоже задался строить голубей.

Тотца птиц чаш и благоустраивалось.
— Выше и выше, — говорил он, — выше и не замечай, — говорил директор школы Кирилл Николаевич, склонив голову набок. — Когда мальчик был, та-ких турманов держал... Подымался на крышу — на мой этаж с других голубя-мишек птица взлетала! Куда все это ушло! Тарзан, тарзан, тарзан! Любил вы-ходить на них в окно и уговаривал не драться с голубем, но голуби не умели обойтись без этого. В их безалаберной жизни драка занимала одно из главных мест. Отец с матерью за замирением следил, как сходились они у кормушки гряды в гряды.

— Смотри, как обижает того, с поджатой лапкой, — жаловалась мама.

— Зато он их берет крылом, — утешал ее отец. — А того, нахального, в глаз кидают!

Голубям, видеть, нравилось такое внимание. Они старались изо всех сил. Когда отец пришел новость творения, их тоже задался строить голубей.

Тотца птиц чаш и благоустраивалось.
— Выше и выше, — говорил он, — выше и не замечай, — говорил директор школы Кирилл Николаевич, склонив голову набок. — Когда мальчик был, та-ких турманов держал... Подымался на крышу — на мой этаж с других голубя-мишек птица взлетала! Куда все это ушло! Тарзан, тарзан, тарзан! Любил вы-ходить на них в окно и уговаривал не драться с голубем, но голуби не умели обойтись без этого. В их безалаберной жизни драка занимала одно из главных мест. Отец с матерью за замирением следил, как сходились они у кормушки гряды в гряды.

— Давайте и ясправду голубятен понесом, — предложил ехидный ма-тематик. — Во-первых, обычной возродил, а во-вторых, ученикам нашим будет бесплатное развлечение. Согласны?

— Ему не успели достойно возражать, потому что в это время на крыльцо за-шел. Вниманием параноиком. По-моему, всем хотелось увидеть, сколько же мне теперь лет, но отец не дал, заговорил перерый.

— Геннадий этим летом в строительный был и скоро диплом защитит, — с непонятной гордостью сообщив об этом. — Принят в спортивный институт.

— Так, так. Правильно, правильно, — задули гости.

Я поспешно исчезнул.

Так. Странно. Оказывается, отец мной гордится. Только видно не подает...

Олег был маленьким румяным крыльцом лет десяти. Головашка круглая, как шар. Характер беспокойный и задротистый. Самой невинной его пределью было кричать из-за угла: «Геннадий, у вас из квартиры дым идет!» После это-го слышался веселый топот ног, и Олега идя в другом конце двора, где он отпыхивал у девчонки пластмассовый паровоз. Младшим от него здорово отличался, а старшим от него отличался, потому что натуро само-обуздать не мог, а подзатыльники получать не хотелось.

Вот этот Олег сразу обратил внимание на наше увлечение голубями. Он подтергас чаш кормина и обстрелял все стаю из рогатки. Голуби тут же при-летели драки и деловито улетели, кто куда. Отец наступил из окна и по-горно Олегу пеллцом. Олег покосил ему язык. Так продолжилось несколько раз, и наконец Олегу удалось сильно подбить любимого мамного голубя — Васюку. Васюка закурлянул и улетел, тяжело хаяла крылом. Тогда отец пришел ко мне и говорит:

— Геннадий, у меня и тебе просяба. Излови мне этого Оленьку.

— Изловить — и что?

— И приведи.

Сделать это оказалось, возна не просто. Беспокойная жизнь дворового скамьята привела Олега дергать глаза на запыление. Он постоянно убегал от меня и кричал в отместку разные слова, с смысла которых поймавст только догадывался. Старшухи соучаствовали мне.

Следующий день принес удачу. Олег был занят серьезным делом: подни-мать кошку, чтобы приподнять к ее хвосту спичечный коробок. Кошка, чуж-дый нерв, чулалов подвоха и не шла.

— Ну, чего ты ломешься! Не бинуй! — окричали от волнения голосом кричал Олег. Он даже не сразу понял, в чем дело, когда я взял его за руку, — сказал он, дергая. Но никто не пришел к нему на помощь. Старшухи сидели индифферентно и анализировали откровенно расваляясь, решив, что и ест-тот самый дядя, который уводит плохих детей неведомо куда. Видя такое равнодушие, Олег реветь перестал. Поднимаясь со мной по лестнице, он, может быть, впервые задумался, как неведомо делать людям гадости. Еще он уже грозил укусить меня за руку.

— А, кто пришел! — обрадовался отец. — Ну, проходи сюда, гость дого-джанный.

— Здравствуйте, — сказал Олег, крепко подумав.

Я почему-то решил, что сейчас отец начнет читать ему длинные наставле-ния. Ничуть не бывало.

— По голубям ты лупишь здорово, — сообщил отец. — А еще чем-нибудь увлекаться?

— А как же, — сказал Олег. — Я такие вещи могу, какие ва же уже не по-силу. В хоккей, например.

— По голубям ты лупишь здорово, — согласился отец. — Зато у кинокласса увле-каюсь. Ты как насчет этого?

— Смотри какие кинокласс, — осторожно сказал Олег.

— Сажаме, Винни-Пух.

— Винни-Пух — это мультик. Пора бы знать.

— Выведат, выведат. Но кинокласс такая тоже есть. Давая я тебе невозможно почитаю.

Олег фыркнул, но согласился. Впрочем, больше он уже не фыркнул. Винни-Пух заставил его раскрыть свои разбойничьи глазищи и время от времени заминавать хриплые изоготы.

— Во дерет! — сказал он, когда отец кончил. — Лучше, чем в кино! — Ты подумай, — удивился отец. — Бывает. А теперь давай сделаем перерыв. Мне нуно голубей покормить.

Отец пошел на кухню. Олег стал смотреть, как слетаются голуби.

— А ловко я тогда его подбил! — сказал он отцу.

— Подумывай, — сказал отец. И вдруг схватил Олега под мышку и поволок его в ванную. — Топить сейчас беуау, — бросил он на ходу.

Давидный Пусты! Ты что? Сумасшедший! — вопил несчастный Олег. Отец поспешно отсутил.

— Это я так просто, для смеху, — объяснил он свое поведение. — Шутить люблю.

— Да разве можно так шутить над ребенком! — с чувством сказала Олег.

— Я же маленький, я еще шаю! А вы уже забыли. Вам нельзя.

— Заменяй для ясности, — предложил отец. Он стал потро Оленьку чашем и угощел его пирогами. Олег от чая не отказался, пирога съел три кусочка, но сам дурачился. Времени от времени он вкраивал асидицал на отца историко-научные глазищи. Он искал подвоха, но подвоха не было. Оставил нас Олег в большой задумчивости.

— Я не знал, что ты так умеешь, — сказал я отцу.

— Как это так!

— Без понятия.

У каждого возраста своя специфика.

— А у моего какая?

— Не знаю. Поэтому и алош.

Олег перестал паясать по голубям. Зато он влезал за девчонку. Он дергал их за косы, лодка игралши, мешал играть в прятки. Дверь стояла заманча-той. Отец выгнал в окно и увидел, как Олег шествует по двору с чужой лошадиной наверхиче, а за ним бежит шестилетняя Танечка и ревет как сумасшедший. Отец позвонил Олегу пеллцом, а тот по старой памяти показал ему язык и смирлся из окна.

— Ничего у тебя не выйдет, — сказал я.

— Хе-хе, — сказал отец. — Плохо ты меня знаешь. Приведи-ка мне опять этого разбойника.

На этот раз Олег никуда от меня не убежал, дався взять себя за руку и сбежал.

— Идем! Пошли.

Отец заговорил с разбойником не про девчонку, а про лес. Спросил:

— Ты в лес гулять любишь?

— Да, в лес гулять люблю. Почему не, почему не и будет быт девчонка, вопрос прозвучал неожиданно и не к месту. Он сказал солидным голосом:

— Гулять в лесу некогда. В лесу охотиться надо. Папка, когда на охоту едет, всегда меня берет.

— Очень хорошо. Тогда скажи мне: тепереве — он какой?

— Да он всего одно, давай нам попаска. Голова набок, прерв взятыем. Не помню.

— А кукушка!

— Кукушка быт нельзя. Она несдобная.

— И не стреляй. Присматривайся, отой на ус. Какой ниче из тебя разведчик!

— А зачем мне быт разведчиком?

— Интересно, вот зачем.

В дверь раздался звонок. На пороге стоял Мишка, парень из отцовского класса. Он наступил на ногу сразу можно было догадаться, что впередя предосторожные, трудные дела. И нужно быт готовым.

— Вызывай! — спросил Мишка.

— Вызывай! — сказала отец. — На какой день у нас назначена «Зарница»?

— А вы все болуете. Тымуди до последнего дня, думали, что вы попра-вись. А вы все болуете.

Это было сказано с осуждением.

— В армии нет незаменимых, — наставительно промолвил отец. — Кого на-значили вместо меня!

Елену Петровну! Она нам ракетки не даст пускать. И бегает очень плохо, не сможет вместе со взводом.

— Про ракетки я напишу ей записочку. А наступать Елене Петровне не обязательно. Посади ее под деревом и пусть сидит. Я тебя по другому делу вызвал. Хочу к тебе в разведку одного человека прикоманд. Вот этого Оленьку.

Мишка посмотрел на Олега раз, посмотрел другой. Помолчал оцениваю-ще. Потом сказал вкосо:

— Нет, не пойдет. Мал еще. Не выдержи!

— Да ты его совсем не знаешь! Он у нас во дворе парню чудеса творит, выносливость, выдержку, дисциплину. А тут поход. Дисциплина нурия, вы-носливость, выдержку. Сумеет он!

— Да, — сказал Олег и встал.

— Ладно. Беру тебя со свой риск. Будешь при мне связным. Понятно? Олег несколько раз кивнул правой головой. Миша сказал еще несколько прощальных слов и наступил в парок, а потом они ушли.

— Зачем ты устроил его в эту «Зарницу»? — спросил я у отца.

— Воспитание в коллективе. Педагогическая азбука. Макаренко и все такое.

— А зачем ты вообще с ним возишься? Чтоб в голубей не стрелял!

ФЛАГ РЕШАЮЩЕГО ГОДА П

Анатолий БАРАНОВ,
Альберт ЛЕХМУС (фото),
специальные корреспонденты «Смены»

рыбацкое счастье

- **Юрий Цыбин:**
пятилетка за 1 год 8 месяцев
- **Производительный эксперимент на Оби**
- **Слет молодых рыбаков Ямала**
-

ЯТИЛЕТКИ-УДАРНЫЙ ТРУД!

НА ОБСКИХ ПРОСТОРАХ.

овно в час ночи поступал Мысов. Извинялся, ссылался на симптомы, предсказывающих приближающийся шторм, торопился...

Все было правдой. Но главное в том, что не мог Федор Александрович спокойно спать в ночь накануне путины. И была бы она первая у него — понятно тогда, нет, уже почти тридцать лет работает он на Ямале, язык местный выучил, и повадки рыбам знает не хуже истопников, и рыбы за эти годы из Оби столько вычерпал — ни на каких весах не взвесил, а все равно волнуется директор Ансаровского рыбозавода накануне путины, как подросток перед первым свиданием.

— Идти нам по такой волне часов шесть, на «Звереве» высплываю.

При всем желании это невозможно. Флагман заводского флота — маленький катер, он падает с волны на волну, дрожит от напряжения, стонет его переборки, а в днища, как в огромный бубен, сыплются все учащающиеся удары. Я слушаю в болезненный говор катера и реки, всматриваясь в темное морчанье людей, вспоминаю рассказы речников об обских штормах, где семь

баллов постраше, чем девять на море, и поминимо, что путина начинается трудно.

В первом году пятилетия рыбаки Ямала добились 77 тысяч центнеров «книжки серебра», план 1972 года вырос на 15 тысяч, а в 1975 году Ямало-Ненецкий рыбокомбинат поставит 122 тысячи центнеров. Это почти вдвое больше, чем в последний год восьмой пятилетки. Уловы в самой Оби вырастут незначительно, главную прибавку должны дать неосвоенные водоемы. В глубинах Ямала, в Красноселькупском и Туровском районах тысячи озер и речушек, которые, как говорится, кишат рыбой и где никто никогда ее еще не ловил. Ездить не трудно, гораздо тяжелее вывезти. Самолетом — дорого, обычный наряд превращается в «золотую» рыбу. Рассчитывать можно только на тракторы, но этот транспорт в восточных болотах пригоден только зимой. Пока выручают олени.

— Нам бы на пятилетку штуки двадцать рюкзачков «ТЗ-71», — мечтательно вздыхают рюкзачники.

И все же, несмотря на различные трудности, озери-речная система глубинных районов округа уже в 1972 году дала 22 тысячи центнеров рыбы. Для этого в дальних районах созданы новые рыбозаводы и участки, строятся тысячелетние «вечноморозостойные» подвешенные природные холодильники в качной мерзлоте, возводятся нитубацонные цеха в Новом Порт и в Тазовском, которые будут обеспечивать воспроизводство ценных по-

род рыбы не только в самой Оби, но и в ее притоках и дальних речушках. Все это позволит рыбакам Ямала не только выйти на завешенный рубеж, но, как они надеются, и в будущем наращивать уловы немалыми темпами.

Еще совсем недавно Обская губа была районом активного лова. Морские сейнеры протаскивали тралями воды, где нагуливались юнцы осетровых и сиговых, черпали подлца рыбу всех пород и всех возрастов. Созданный в Томске Сибирский научно-исследовательский и проектный институт рыбного хозяйства не только наложил запрет на активный лов в Тазовской и Обской губах, но и ливитировал уловы в самой Оби. Сначала ливитировала все уловы. Вслед рыбак определенное количество мускуса, собирав сети, лжи на берегу, когда шеюшка поведет. А лудут они чаще всего одиозаремонно. Сейчас Сибирское управление рыбной промышленности по согласованию с Ижменобрыбзаводом и учеными СибНИИРХА в качестве эксперимента ввело лимит не по центнерам, а по удрудин лова. Теперь у рыбаков не будет вынужденные прогулы до время путины, но в то же время они ограничены количеством плавных сетей, закидных неводов, фтилей...

Ансаровские рыбаки первыми на Оби начинают путину, естественно, они стали первыми участниками эксперимента.

— Теперь только не зевай — и будешь с рыбой, — говорит мне молодой рыбак Олена Иванов.

— Если меньше спать, Цыбина догнать можно, — надеется Степан Алыма.

СЕМЕЙНАЯ БРГАДА.

Всесоюзный фестиваль советской молодежи

«ОДНОЙ С ТОБОЙ МЫ СВЯЗАНЫ СУДЬБОЙ...»

ОТ ПЕРЕВОДЧИКА

У золотаватой прерийной Аляску, в прекрасной
Лима-Ате, живут мои друзья, молодые казакские
поэты Кадыр Мурзалиев, Туманбай Молдагалеев,
Фарица Умарсарина. В прошлом году я был в
них в гостях. Я шел вместе с ними старинные ка-
закские песни, слушаю их стихи, их соратники,
как бы идущие из глубины тысячелетий голоса.
Тень великого Абая, которого казахи чтят, как мы,
русские, чтям своего Пушкина, не заложит от
них сошедшего века. Прочтите стихотворение Ка-
дыра Мурзалиева «Аэропорт», и вы увидите, как
не отказываясь от национальных особенностей, сво-
его мироощущения, смело охватывает под образы
нашей современности. Если Кадыр Мурзалиев в

своей поэзии стремится к синтезу, к афористи-
ческой краткости, к несколько, я бы сказал, ризи-
цистическому освоению мира, то его собрат Ту-
манбай Молдагалеев воспринимает мир через свои
эмоции. Вспоминаются о детстве, о бескрайних сте-
пях, об отце и матери, осознание себя как личнос-
ти в быстро меняющемся мире, тревога за свою
судьбу и за судьбу земли — вот главное в твор-
честве поэта. И, наконец, Фарица Умарсарина. Это
молодая, порывистая женщина, трудолюбивая и
упрямая, мечтающая оседлать бешеного армяка и
пройти по жизни и по душе, людей «самым
племнем». В ее стихах много огня, ветра, трав, сол-
нца. Но что говорить о стихах? Их надо читать.

Лев СМЕРНОВ

Кадыр МУРЗАЛИЕВ

Русскому другу

С тех пор, как мы прогнали со двора
Все, что желал нам зла, а не добра,
Чинар всегда дружил с березой белой
И с балабайкой — древней донбра.

Что пользы людям от красы земной,
Когда в ней нет тепла души родной!
Мои сады глядят в твою озера,
Призывая связь связью одной.

Когда ты лучшей из моих острог
Вымывешь после всех дневных забот,
Твой надобности нету в переводе:
Тут смеж звучит как точный перевод.

Ты жинял городской, а я — степной,
Но сошле на двоих у нас с тобой.
Ты мануешь цитрушей Абая,
Мои любимцы — Пушкин и Толстой.

Одной с тобой мы связаны судьбой,
И алмай цвет один над головой.
Отца твоей пап от басмачей в двадцатом,
Мой — от немачьей пули под Москвой.

Союз наш мудр и в то же время юн.
Мы — дружба впитан и посевной дню.
Мы — дружба вистелья и корней губонки.
Мы — дружба пальцев трепетных и струн.

Пишу не ради красного словца.
Пишу я ради Красного Байоша.
Мы — дружба солнца и землицы.
Зазеленевшей ветки и сиворца.

Пусть слышит все прихитная земля:
Мы — дружба башки и корабля.
Мы — дружба стрелок на часах степля —
Курнаты Спасских Красного Кремля.

Люди в небе парят, как боги,
Шар земной под крылом простерт.
Если сереть есть у эпохи,
То это — аэропорт.

Из стекла и стали громада
Среди трав поспевших степных.
Даме бан, и те когда-то
Не жинали в юртах тапак.

Отражается свет летучий,
Среды трав поспевших степных.
Будто зеркальцем из-за туч
Заблывается ангелок.

Режет область свет осенний.
Рез моторы и холод жуб.
И как будто землетрясение
Сотрясает стелющийся куб.

Крыльям мощные расправляет
Гнзда странная рожа в шель.
Это в небо тоска взлетает,
Чтобы родиться где-то сесть.

Вот уже по бетонной трассе
Мчат оне, пригнув зелья,
И, шуртя, высовуют шасси
Из бетонных носов огня.

Кто раздвинул небес границы!
Кто нарушил покойный!
Спускаются с неба птицы
По часам одна за другой.

День и ночь на радарах земной,
Кто нарушил покойный!
Гром один садится на землю,
Гром другой взлетает с землицы.

Стали люди гореть, как звезды,
В ноги превратились козлами...
В миллиметры былые версты
Превратились в наш быстрый век.

По небесам бежит орбитам
Кровь свершений, гряды, мечты...
И бессонным аэропортом
Сердце века
стучит в ноци.

— Новая система лимитирования позволит значительно увеличить уловы. Мы согласились на это, хотя все рыбные запасы, — объясняет заведующий лабораторией иктнографии СибНИРХа Валерий Никаноров.

В районе Старого Саламала устье Оби относительно узкое — километров шесть. Рыбные косяки сливаются здесь воедино, устремляясь вверх и своим извечным местом нереста. Района более удобного и для рыбьих и для ученых по всей Оби не сыскать. И работают они здесь в самом тесном контакте. К борту научно-исследовательского судна «Академик Зюев» плотно прижались два новейших стальных плашкоута Аксарковского рыбозавода. К одному из них то и дело подбегали будари, рыбаки бросали на борт плашкоута тонкие капроновые чалки, разбирали сети, укладывали в ящики улов. Приемщик Николай Шеремета кружился вокруг весов, персыяла принимать рыбу ладом, легко управлялся с тальковыми ящичками, и все это с веселыми прибаутками и зитрыми взглядами в сторону другого затихшего плашкоута, к которому из-за волны рыбьих подбегали не могли. Приемщики тоже соревнуются: кто больше. Коля зочет быть первым. В прошлом году его наградили именными часами, на торжественном собрании в президиум посадил, тризисторный приемник вручили. Коля радуется, что так удачно стоит его плашкоут и асы рыба к нему идет. Смеется Коля, прибаутками сылет, таскает тяжелые ящички, пост иногда — уснуть боится. Которые сутин спит он еда-еда, урыжками, иногда здесь же, рядом с весами. Впрочем, рыбаки спят не больше.

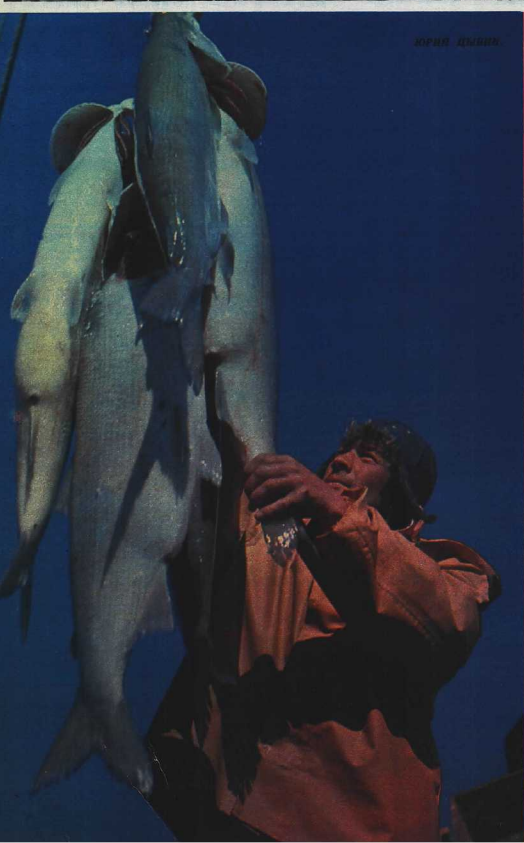
На постой меня определили к Шеремете. Каюта у нас крохотная, но с двумя большими, в полстены, квадратными иллюминаторами.

В раму моего окна оставлен один из кентовских пейзажей: обильная, как море, река, изъеденная волнами и отороченная по горизонту угрюмой громадностью заполярного Урала, да еще эти постоянно меняющиеся резкие космические цвета, удивительные краски, взораживающие, чудные и все равно остающиеся чужими для людей, привыкших к мягким, пастельным тонам Подмосковья. Солнце здесь, за Полярным кругом, вопрени моим обычным представлениям садится не на западе, а почти на севере. Огромный темно-красный круг медленно скатывается к горизонту, расширявая кентовскими красными снежными вершинами суровых Уральских гор и грозная тяжелых туч. И кажется, от его прикосновения поются

ПОГРУЗКА РЫБЫ
В ТРЮМ.

КРАЙ ЦЫБИН

Первый и среди рыбаков и среди охотников.

Я выходил на плав со многими рыбаками, внимательно наблюдаю за работой Олега Климова, Андрея Корхонена и Степана Альмы и только потом напросился в бударку к Цыбину.

Мне повезло. Ветер стих неожиданно, кажется, в одно мгновение. Река еще немного, по инерции, повоновалась и застыла. И я подумал, что Обь сейчас могла бы служить примером и погатию «рваный, как стол». День выдался чистый, солнечный, какие редко случаются за Полярным кругом, но если приходят, приходят, как президенты. Ощущение такое, словно плывешь по Черному морю. И где-то далеко-далеко невидимая отсюда прошла «бензинка», как называют здесь танкер, разнес по воде старую песню о самом синем Черном море.

— Завтра ветер пойдет западный, однако, почесет нас, — тихо, словно самому себе, сказал Цыбин.

Я огляделся вокруг и никаких примет нового шторма не увидел, а распрашивать было некогда: начали сбрасывать сети.

И вот уже застыли в воде два ярко-красных бочонка — поплавок, а между ними, выгнувшись дугой, поплыла по дну трехсотметровая сеть. Цыбин вместе с Титовым, едва поставив сеть, упали на дно лодки. Невидимое, но мощное течение несло нашу сонную бударку вслед за поплавками, и я старался не шевелиться, чтобы не вспугнуть сон уставших рыбаков, и только водил глазами по далекому берегу, боясь пропустить вежу, означающую границы плавного песка.

И КРУТЫЕ СУТКИ ДЕНЬ,

Во сне Цыбин что-то шептал, с кем-то спорил. И это было удивительно, потому что за десять дней знакомства я услышал от него меньше слов, чем за эти сонные полдасы. Может быть, профессия, требующая почти полного одиночества, сделала его таким молчаливым и приучила разговаривать с самим собой? Не знаю, только о себе он рассказывал настолько скупо, что и рассказом это назвать невозможно. И я долго не мог поверить, что это он однажды влезал в поселок на лодке, запрещенной стаяй гагар. Очень уж эта история походила на «хототичин рассказы» и не ввязалась с обликом и характером Цыбина. Но история была недавняя, и очевидцев — целый поселок...

Какая сила подняла Цыбина именно в тот момент, когда лодка порваналась с вешкой? Он вскопчил, завел мотор, и, разрезая реку пополам, бударка поплыла к дальнему поплаву.

И снова я не заметил никаких особенностей в том, как Цыбин ставит и выбирает сети, как вытаскивает и сортирует рыбу. А упов опять был значительно выше среднего, и я радовался, как будто сам вытаски эти полнотни большеголовых налимов и сверкающих мускунов.

Задремаю он за рулем или задулся? Я оглянулся и увидел, как быстро вырывается вперед борт стоявшего на якоря плашкоута, и не успел из моего горла прорваться крик, как Цыбин отвернул. Реакция у него мгновенная. Но рыбу он сдвигал тумры и на очередной шереметовские привастья не отвечал.

— Хаатит. Спать пойду,— бросил он, но через полчаса снова затархтел мотор его бударки. Не

мог он тратить время на сон, когда уходила рыба.

И все же не только страшной работоспособностью обеспечивает Цыбин первенство своей бударки. Есть в его работе нечто особенное, что трудно с первого взгляда определить не только постороннему, но и местным рыбакам. Чутье, знание, а скорее всего просто талант, которому он и обязан своим рыбацким счастьем.

На следующий день действительно пришел западный дождливый ветер, нагнал туч, перемешал воду, перепутал рыбакам планы. Но многие все-таки вышли на плав.

Мы уехали в Аксарку, и Шерамета попросил отвести Мысова декадную сводку. Я просмотрел страницы ученической тетради, исписанные крупными Коллиным почерком, и удивился: оказывается, Цыбин за это время выполнил годовой план, добыл 96 центнеров рыбы. События этого как будто никто на участке не заметил. Впрочем, рыбаки здесь не привыкли к цветам и аллодисметам.

Путинка продолжалась.

ПИСЬМО:

«Уважаемый Анатолий Петрович Баранов! Хочу Вам сообщить, что свою пятилетку я выполнил за один год и восемь месяцев. Так что думаю за пять лет дать два, а то и три плана. Сейчас жонув ожидаем уже близкой путны да озотой. В основном на крупнотку. План — тысяча штук, а я пообещал сдать две тысячи. Всего доброго. Юрий Цыбин».

P. S.

А вслед за цыбинским я получил еще несколько

ко писем от своих друзей из Аксарки. Не могу удержаться, чтобы не пересказать их.

В феврале Цыбин не выполнил план. Впрочем, на заводе исполнились все-таки «мяки», передовик. Правда, комиссию создавать не стали, но Юру для объяснений вызвали. Он, как всегда, был немногословен: «Не получился». Объяснение не то чтобы удовлетворило руководителей Аксарковского рыбозавода, но успокоило: охота — все же не основное производство. Если станочник не вовремя доставил заготовки, нагнать виныного просто, а если зверь не попал в капкан или птица в силки...

Высотеров на семидесяти нине Аксарки набрал Юри на огромную кучу вмерзших в лед дровесных опилок. Что-то, возможно, в Саяхкарди сбросил на застывшую Обь добрый вагон опилок. А зима началась странно: Обь то застыла до берегов, то редкие льдины сплывали и шли по реке, как в весенний ледоход, и таяли. Ударная шубой из опилок алополаучал льдина дваралась чуть ли не до устья, где ее намертво синавали морозы. С ледоходом опилки уйдут дальше по Обь, осадут на дно, отравят места нереста.

Юра со страхом смотрел на эту сантиметровую водой и морозом гору опилок. Он мог бы пройти мимо, «не заметить». И такая мысль на мгновение возникла, но Цыбин тут же прогнал ее и начал неторопливо устраивать на берегу реки свой маленький временный лагерь. Он рассчитывал упавшиеся за дней пять-шесть, но рубить дровесно-ледные плиты оказалось не так-то просто, и уносить нужно было далеко от реки, чтобы и поплавок вода не смогла их слизать. Он работал иногда по восемнадцать часов, спал по-хототичны у маленького костра. Двенадцать дней спасал он свою реку от чьей-то преступной глупости. Это была его Обь, его бол, почувствовать которую дано не каждому.

— А за план не волнуйтесь,— успокаивал Цыбин Мысова.— Я наверстаю.

Всесоюзный фестиваль советской молодежи

Владимир КОЛМОГОРОВ,
первый секретарь Московского
областного комитета ВЛКСМ

Достижения молодых — в фонд пятилетки

Смотр
боевности комсомола

Трудовая летопись
фестивалей

сеasonный фестиваль советской молодежи, посвященный 50-летию образования СССР, завершил свой путь по стране. Повсеместно это большой молодежный праздник вылился в смотр трудовых достижений, в активизацию пропагандистской и агитационно-массовой работы, в создание физического и военно-патристического воспитания подрастающего поколения.

В трудовую летопись свершений, которыми советская молодежь отмечает фестивали, будут вписаны и несомненные достижения комсомольцев и молодежи Московской области. Среди этих достижений — трудовые победы комсомольцев, конкурсы по профессиям, во время которых соревновались токари и фрезеровщики, патары и мастера машинного доения, повара, шоферы и парикмахеры, сморты успехов молодых рационализаторов и изобретателей, выставки научно-технического творчества. В дни фестивалей для каждого человека производственного были созданы все условия для максимального проявления его способностей. В плане мероприятий фестивалей неотъемлемой частью являлись художественные конкурсы и спортивные соревнования. Юноши и девушки, владеющие кистью, пером, музыкальными инструментами, желающие испытать свои силы на спортивной площадке — все находит возможность блеснуть в дни праздничной застолья.

Сейчас уместно вспомнить слова Генерального секретаря ЦК КПСС тов. Л. И. Брежневна, сказанные на XV съезде комсомола: «Не следует забывать, чтобы раз в два-три года комсомол проводил Всесоюзные юношеские фестивали — своеобразные смотры трудовых, культурных, спортивных достижений молодежи. Подготовка и нем могут быть широко проводиться по всей стране. Это позволяло бы привлечь к активной деятельности комсомола, к самостоятельному творчеству, к физкультуре и спорту многие и многие тысячи молодых людей».

Важнейшим всесоюзным фестивалем приближается к финишу. В нем участвовали миллионы комсомольцев, а также юношей и девушек, еще не ставших членами Ленинского союза молодежи нашей страны. Это позволило бы привлечь к активной деятельности комсомола, к самостоятельному творчеству, к физкультуре и спорту многие и многие тысячи молодых людей».

Важнейшим всесоюзным фестивалем приближается к финишу. В нем участвовали миллионы комсомольцев, а также юношей и девушек, еще не ставших членами Ленинского союза молодежи нашей страны. Это позволило бы привлечь к активной деятельности комсомола, к самостоятельному творчеству, к физкультуре и спорту многие и многие тысячи молодых людей».

Важнейшим всесоюзным фестивалем приближается к финишу. В нем участвовали миллионы комсомольцев, а также юношей и девушек, еще не ставших членами Ленинского союза молодежи нашей страны. Это позволило бы привлечь к активной деятельности комсомола, к самостоятельному творчеству, к физкультуре и спорту многие и многие тысячи молодых людей».

Важнейшим всесоюзным фестивалем приближается к финишу. В нем участвовали миллионы комсомольцев, а также юношей и девушек, еще не ставших членами Ленинского союза молодежи нашей страны. Это позволило бы привлечь к активной деятельности комсомола, к самостоятельному творчеству, к физкультуре и спорту многие и многие тысячи молодых людей».

Важнейшим всесоюзным фестивалем приближается к финишу. В нем участвовали миллионы комсомольцев, а также юношей и девушек, еще не ставших членами Ленинского союза молодежи нашей страны. Это позволило бы привлечь к активной деятельности комсомола, к самостоятельному творчеству, к физкультуре и спорту многие и многие тысячи молодых людей».

Важнейшим всесоюзным фестивалем приближается к финишу. В нем участвовали миллионы комсомольцев, а также юношей и девушек, еще не ставших членами Ленинского союза молодежи нашей страны. Это позволило бы привлечь к активной деятельности комсомола, к самостоятельному творчеству, к физкультуре и спорту многие и многие тысячи молодых людей».

Важнейшим всесоюзным фестивалем приближается к финишу. В нем участвовали миллионы комсомольцев, а также юношей и девушек, еще не ставших членами Ленинского союза молодежи нашей страны. Это позволило бы привлечь к активной деятельности комсомола, к самостоятельному творчеству, к физкультуре и спорту многие и многие тысячи молодых людей».

Важнейшим всесоюзным фестивалем приближается к финишу. В нем участвовали миллионы комсомольцев, а также юношей и девушек, еще не ставших членами Ленинского союза молодежи нашей страны. Это позволило бы привлечь к активной деятельности комсомола, к самостоятельному творчеству, к физкультуре и спорту многие и многие тысячи молодых людей».

Важнейшим всесоюзным фестивалем приближается к финишу. В нем участвовали миллионы комсомольцев, а также юношей и девушек, еще не ставших членами Ленинского союза молодежи нашей страны. Это позволило бы привлечь к активной деятельности комсомола, к самостоятельному творчеству, к физкультуре и спорту многие и многие тысячи молодых людей».

Важнейшим всесоюзным фестивалем приближается к финишу. В нем участвовали миллионы комсомольцев, а также юношей и девушек, еще не ставших членами Ленинского союза молодежи нашей страны. Это позволило бы привлечь к активной деятельности комсомола, к самостоятельному творчеству, к физкультуре и спорту многие и многие тысячи молодых людей».

Важнейшим всесоюзным фестивалем приближается к финишу. В нем участвовали миллионы комсомольцев, а также юношей и девушек, еще не ставших членами Ленинского союза молодежи нашей страны. Это позволило бы привлечь к активной деятельности комсомола, к самостоятельному творчеству, к физкультуре и спорту многие и многие тысячи молодых людей».

Важнейшим всесоюзным фестивалем приближается к финишу. В нем участвовали миллионы комсомольцев, а также юношей и девушек, еще не ставших членами Ленинского союза молодежи нашей страны. Это позволило бы привлечь к активной деятельности комсомола, к самостоятельному творчеству, к физкультуре и спорту многие и многие тысячи молодых людей».

Мето — поистине самый «горячий» сезон для тех, кто создает моду. В это время своеобразным полигоном моды становится и городская улица, и заводская проходная, и север, и танцевальная площадка — везде можно проверить жизнеспособность новых ее идей.

Улица. Каким она сегодня? Придаче всего удивительно многолика, многочисленна. Меняются народные двачки костюмы из яркого трикотажа, шифона, припорошена не божегоше (не солнца, ни дождя). Мини-юбка в молодежном ансамбле бросает вызов бриомам, популярность которых не знает ни возрастных, ни сезонных границ: шелковые юбки и синтетика соперничают в яркости красок и византичной сложности орнамента с древним льном, хлопчатобумажной розеточкой, сатинами, батистами, вуалями...

Первый и главный постулат современной моды звучит примерно так:

многовариантность идей, разнообразие стилей. Важная привета современного гардероба — новелтистность. Предлагаю не одну модель, а несколько сочетаний отдельных частей одежды, художник-модельер оставляет за нами право на создание различных комбинаций, дает нам возможность найти свой стиль, подчеркнуть индивидуальность с учетом внешности и возраста, характера, манеры поведения, образа жизни...

Отговорили сразу, никаких неоспоримых новшеств лето-73 не принесло. Мода этого года совершенствует самые элитные и разумные конструкции предыдущих сезонов.

Недавно я видела новелцию новых модных одежд, составленную художниками специального художественно-конструкторского бюро Москвы, одного из ведущих центров моделирования. Называлась она «Мода вчера, сегодня, завтра». Этим летом нам предлагают носить пальто, платья, ко-

стюмы прилегающего, прямого силуэта, нового силуэта «трапеция» или «павланы» — с расширенным объемом линии плеча и свободными рукава. Но силуэты, вошедшие в моду в прошлом году, художники прорабатывают по-новому, наполняют новыми содержанием, оформляют новыми деталями декора. Как же составить «типовой» гардероб нынешнего лета? Придаче всего ориентируйся на новый «многоголосый» характер одежды. Например, платье-пальто с блуздой из батиста, ярким шарфом или тонким свитерком смотрится в каждом случае по-новому. Легкое платье из тонкого ирепа, если к нему добавлен свитер из яркой синтетикн, тоже становится верхней одеждой.

Вернулись в моду полупальто, которые были популярны в 30-х годах. Но выглядят они совсем по-другому в комплекте с бриогами; тем более что художники реставрируют, опираясь на традиции народной одежды, соз-

дают их в разных силуэтах и в разных оформлениях. В Арвинии, например, популярным стало коротышное прилегающее пальто «насабула» (так называлась старинная одежда горцев). А художники Талина предлагают молодежи широны, традиционные популято, оформление в стиле популярной пелерини, из традиционных в Прибалтике вязчатых шерстяных тканей. Эти популято украшены бахромою, цветной тесьмою, прочерчивающей контуры деталей...

Кроме традиционных костюмов с коротким прилегающим рукавом-тугунной, молодым предлагаются «многоголосные» комплекты: платье с манжетом или с юбкой разной длины; юбка с блуздой, набором свитерков, спортивного стиля куртки, упрямой накладными карманами, атлантической из нони, трикотажа, замши.

Постоянное обновление ассортимента

Надежда ЖЕЛЕЗНОВА,
Мирслав МУРАЗОВ [фото]

ЛЕТО-73

та, создание модного гардероба — это проблема, остро стоящая и перед художником и перед социологом, психологом, педагогом: ведь в нашей стране 40 процентов трудящихся — женщины. А мода — средство воспитания эстетического вкуса. Естественно по закону, предлагая новое, авторы моды обращаются и к сокращению национального фольклора. Вот брочные ансамбли этого лета; они, несколько изменив свой стиль и облик. Брочи, облегающие фигуру, расклешенные внизу, как бы «накрывающие» обувь. На них не увидишь четко очерчивающего контуры шва, они подчеркивают свободу, динамичность дамского.

Брочи могут быть расцвечены ярным орнаментом, как предлагают это художники Ермаков. А художники Талинина видят их в контрастных сочетаниях красного и черного, синего и белого, оранжевого и коричневого цветов. Дополнения может быть не

только пиджак или блуза из того же материала, но и маленькая треугольная морфочка, украшенная национальным прикладным орнаментом, брошкой из черного серебра, широким поясом с металлическими «шпорины» заклепками или аппликацией из замши — декоративные носельники.

Спортивный стиль, вымещенный летом — это и многообразие тканей и удивительное богатство цвета. Талинские художники, работы которых представлены на этих страницах, разработав целую серию так называемых «матросских» костюмов для летнего отдыха, для пляжа — это расцветанные брочи из хлопка и ситца в комплекте с блузками сине-белых, оранжево-красных тонов.

Популярность брочи несомненно не уменьшает роли платья в летнем гардеробе: платье римоундуется откровенно и целенаправленно, с бобаян в широкую складку; приталенные, прилегающие, с расцветочными юбками

и широкими поясами. Очень нарядны платья из односторонних шелков, потлина, репса, украшенные декоративным корсажем, шнурком, вышивкой по мотивам мастеров Прибалтики, Украины, Закавказья. Этот синтез современных модельных форм одежды и фольклорной историсии — тоже приметя воды-72.

Создавая ансамбли для всех случаев жизни, художники стремятся еще и продвигать, вышить «старые» темы. Например, плащавая ткань болюнья. Сейчас вместо «деревяшек» плащаво-блинцовой художники Москвы разработали выюпорони летние плетерны из болюнь, украшенной набивным рисунком. А в Ереване разработан очень интересный вариант плаща из болюнь, обновленной ярной прозрачной пленкой по воротнику носели и оригинальными круглыми карманчиками из пленки — в таком прозрачном кармане даже цветная юбка или декоративный носелен становится

ся элементом украшения ансамбля. Стилево разнообразие отлучает сегодня и костюм молодого мужчины. Рубашки из яркого трикотажа, куртки, обильно денорированные юбки, трикотажем крупной вязки, украшенные насадыным карманом; летние рубашки из пестрых ситца и поплинов, с широкими поясами — все это рекомундуется юным в «унифицированных» комплектах, где каждая новая деталь (сизаком, юнкет из трикотажа или легкой шерсти) мненят портрет ансамбля.

Какой цвет можно назвать фаворитом этого лета? Это трудный вопрос. В женской моде популярны синие-бирюзовые, белено-коричневые, золотисто-зеленые и красно-коричневые тона — богатый гамма оттенков! да и мужичина мода предлагает выбирать в широким диапазоне красный «свой» карман — серовато-зеленого тона, или ярче и светлее синие, или разнообразные оттенки коричневого...

НОВЫЙ ВАРИАНТ ВСЕГДА МОДНОГО КОСТЮМА...

ДЕЛОВОЙ АНСАМБЛЬ.

ТАКИЕ ПЛАТЬЯ МОДНЫ СЕГОДНЯ...

ФОЛЬКЛОРНЫЕ МОТИВЫ — ОДНА ИЗ ПРИМЕТ НОВОЙ МОДЫ.

АНСАМБЛЬ ИЗ РЕПСА И ПОДПЛИНА.

СПОРТИВНОЕ ЛЕТО...

ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА С ПОЭТОМ

Ной РУДОЙ

*
 Ему осталось жить от сна час,
 не более,
 Спасти его, увы, им в чьей отныне
 воле

Но я наполнил шприц —
 Еще одно авталье,—
 Хотя, продавая жизнь,
 Я продлевал страдание.

Иначе я не мог, пока он не умолк.
 Иначе я не смел,
 Не мог нарушить дог.

Клятва

И вот среди выжженных селений,
 Вдали от мирных городов
 Я познаю язык сравнений,
 Он лаконичен и суров.
 И места нету многословью,
 Когда и скальпель и пицет,
 Еще забрызганные кровью,
 Слешашь селянеть на пистолет...
 Я институт кончал в войну,
 И вместе с клятвой Гиппократа
 Я клятву дал еще одну —
 Присягу верности солдата.

*

Полвека скоро стукнет мне,
 А если толком разбераться,
 Вдаль от мирных городов
 Я знаю немало ребят.
 А если помнить в могиле братской,
 Кусты, деревья и траву
 Собой почить. А я живу.
 Но средь тех, кто так помнит,
 Я знаю особособых ребят.
 Гордился дружкой их. Думую
 Я понимал, что их не стою.
 Они обойдены судьбой...
 И каждый день, что прожит мной,
 Пусть он обман и неверно,
 Я принимаю, как подарок.

Ирина ПАНОВА

*
 Белый цвет спрятав раду —
 до весны, до тепла,
 чтобы раньше, чем надо бы,
 в небеса не ушла.
 Пусть распылится радуга
 по полям и лесам,
 когда свиные надолбы
 белый свет смелет сам.
 Сказкой яркой, желанною
 между двух обложку
 станет радуга иданная,
 нам мект двух берегов.
 Все мосты, что разведены,
 вновь сойдутся навек.
 И расцвет наведенные
 семиметный побег.

Рисунки Михаила ПАПКОВА

Первый шаг

Первый шаг — он будущего проба.
 Слово соберется из слогов.
 Каждый, побеждая в сердце робость,
 делает свой первый из шагов.
 Труден он — тут спорить кто же станет!
 С первого порою особый спрос:
 первый камень начинает звать,
 первый гром — начало летних гроз.
 Дальше — прощай! Пусть заложит ногги
 Да, конечно, легче, если днем
 ехать по проторенной дороге
 или идти протоптанным путем.
 Жизнь не так размерена, как тот.
 Пусть, бурля, как непоугнута кратер,
 годы в неизвестное шлепает.
 Пусть он повторится многократно,
 этот трудный, самый первый шаг.

Виталий ЗАСЕЕВ,
специальный корреспондент «Смены»
Фото автора.

ВАЗ-СМЕНА-72

В 17-м номере «Смены» за прошлый год мы рассказали об автово-
 бильной выставке, которую организовали редакция журнала и комсо-
 мольско-молодежный коллектив Волжского автозавода. (В ее составе бы-
 ли старший техник ВАЗа К. Шапцева, инженер-испытатель 1-го класса
 А. Кириченко и наш корреспондент В. Засеев.)
 Событий автомобиль «Жигули» с транспарантом на кузове «ВАЗ —
 СМЕНА-72» в авто-красной мажью «50 лет СССР» прошел по дорогам
 15 союзных республик.

Сегодня мы публикуем отчет руководителя эстафеты, специального
 корреспондента «Смены» Виталия Засеева об этом маршевой автопро-
 бете, посвященной полудесятию юбилею СССР.

Н озади 40 тысяч километро-
 ров. Это большое рас-
 стояние мы прошли на
 «Жигулях» — машине
 легкой в управлении,
 выносливой и быстро-
 ходовой. Она показала
 свои лучшие качества на крутых пере-
 пелках Закавказья, в несках сред-
 неазиатских пустынь и в хлябях
 осеннего бездорожья Салских степей...

Наш автопробег можно назвать
 «Эстафетой трудовой славы поколе-
 ний». Ведь при каждой встрече —
 будь то рабоче объединение или
 клуб строителей, студенческая ау-
 дитория или матросский клуб —
 разговор всегда сводился к техни-
 ческому подвигу комсомольца 60-х
 годов, которая по призыву партии
 в рекордно короткий срок построила
 на берегу живописного Жигулев-
 ского моря незабываемый автога-
 вант — Волжский автомобильный
 завод, освоила и подчинила себе
 сложнейшую технику и уже в юби-
 лейном году выпускала полуавтомобиль-
 ную малолитражку.

Как-то в Донецке после встречи
 на телевидении, во время которой
 был показан фильм о том, как на-

шли шахтеры Донбасса. Теперь они
 гордятся теми, кто продолжает их
 дело. И это высшая для них на-
 града.

Это сказал нам легендарный горняк
 Алексей Стаханов.

А позже эту же мысль повторил
 секретарь комитета комсомола
 Львовского университета Юрий
 Курьянович.

В актовом зале, вмещающем не-
 сколько сот студентов, яблюку неко-
 го было уныть. Напряженье, с воз-
 никением следил работа за кинохро-
 никой, воспринимавшей события тру-
 дового подвига комсомолов страны.

...3 января 1967 года решением
 ЦК ВЛКСМ строительство ВАЗа обя-
 влено Всесоюзной ударной комсо-
 мольской стройкой. Более 15 тысяч
 юношей и девушек со всех уголков
 страны спешат на Волгу по комсо-
 мольским путям.

21 января. Вынут первый ковш
 земли под основной блок завода —
 корпус вспомогательных цехов
 (КВЦ).

18 декабря 1969 года. КВЦ (это
 завод в заводе, площадью свыше 11
 тысяч квадратных метров) вступает
 в строй. Одновременно вступают в
 строй десятки других цехов-заводов.

чился ВАЗ, каким он стал сегодня,
 и машине эстафеты подождал ав-
 тоской, платной человек. Широкие,
 крепкие плечи и удивительно молодое
 глаза гугали все представления о его
 возрасте. Не называясь, он за-
 говорил о документальных захара
 фильма:

— Революционный дух созидания,
 преданность нынешним комсомолат
 великих заводских ветеранов — вот
 самое замечательное в нашей
 молодежи. И это я ощутил, когда
 увидел, как строился Волжский ав-
 томобильный.

Точно такими, я помню, были
 строители Днепрогоса и Магнитки.
 Такими же заложилась мне и луч-

22 апреля 1970 года. В честь
 100-летия со дня рождения В. И. Ли-
 нина с конвейера ВАЗа сходит пер-
 вый автомобиль «Жигули».

1971 год. Выпущено уже 160 ты-
 сяч машин.

1972-й. 320 тысяч «Жигулей» от-
 правлено покупателям.

Более шестидесяти встреч с ты-
 сячами читателей журнала было на
 пути эстафеты, и каждый раз ощу-
 щалось горячее участие, заинтересо-
 ванность наших собеседников в судь-
 бе ВАЗа.

Ту же атмосферу заинтересован-
 ности, горячего участия мы ощути-
 ли, побывав на рижском заводе «Ав-

ВЕЗДЕХОДНЫЕ «ЖИГУЛИ» БЛАГОПОЛУЧНО ПЕРЕСЕКЛИ ПЕСКИ КАРАКУМОВ

НА УЛИЦАХ ТАЛЛИНА.

поколений

тоэлектрприбор», на заводе «Красный металлург» в Липнае, на шахте 17-17 ВИС в Донецке, на крупнейшем в Европе заводе синтетикоп «Фрэнкс» в Паневежисе и многих других предприятий страны.

Интересной была встреча на рижском заводе «Автомехтронприбор». Заместитель секретари комитета комсомола завода Анатолий Груздев долго водил нас по цехам, знакомя с лучшими бригадами, представляя ведущих рабочих. Лидя Струкова, комсорг одного из участков цеха сборки, рассказывала историю, которая среди десятка получила название «Операция ВАЗ».

С пуском автозавода из Тольятти

к рижанам пришел заказ на бетонометры, датчики автоматического давления масла и другие приборы для «Жигулей».

— В первых партиях, — вспоминает Лидя, — было много брака. И вот собрались мы на внеочередное комсомольское собрание, посоветовались. И тут же каждый из нас решил к пяти смежным профессиям прибавить еще по две-три, чтобы можно было подменить друг друга.

Сам Лидя одной из первых в цехе освоила десять операций, помогла перештампить «барьер невозможного» многим своим подругам.

— Теперь рекламации с ВАЗа — явные «чреватчины», — говорил

нам начальник цеха сборки Владимир Иванович Александров.

Так комсомолка ВАЗа своим самоотверженным трудом заставила комсомолец «Автомехтронприбора» искать скрытые резервы. Таких примеров мы узнали множество за время встреч с рабочей молодежью.

Запомнился посиделкам в молдавский колхоз «Путь к коммунизму», Рыбницкого района. Первый секретарь райкома комсомольца Анна Гроудя, энергичная, подвижная, подробно рассказывала о делах сельской молодежи. Так, решая проблему мелiorации, комсомольцы района создали среди вечерняков солдат учебные отряды подготовки специа-

листов. И среди лучших А. Гроудя назвала имя Алексея Папца, комсомольского секретаря колхоза, «ректора» курсов мелiorаторов.

А позже, беседуя с Алексеем и его товарищами, мы услышали много интересных мыслей о журналистах. Оказалось, что рубрика «Смена» «Комсомольский характер» пользуется особым уважением у ребят.

— Мы узнаем о живых, деятельных комсомольцах, учимся у них работать с людьми, понимать их. Больше печатайте таких материалов.

Сотни читателей писали книги после встреч с редакцией «Смены» после этих встреч. И в каждой из них серьезный, внимательный взгляд на журнал, в каждой заинтересованность сделать его лучше, ближе к своему читателю.

Немало читателей «Смены» после встреч с участниками эстафеты поехали трудиться на ВАЗ, стали первоклассными автомеханистами. В отделе кадров нам сообщают, что ежедневно приезжают на завод более 60 молодых рабочих, строителей, инженеров. И для каждого из них на ВАЗе находится дело по душе.

«Дорога — это жизнь» — так говорил древние.

А жизнь — это встреча. Это узнавание людей, их мыслей.

Дорога по 15 союзным республикам в год 50-летия страны подарил нам множество незабываемых встреч, о которых хочется рассказать, в которых хочется вернуться, когда уяжется волнение, вызванное дорогой, встречей. И для каждого из нас живут разные люди, объединенные одной великой целью — строительством коммунизма на земле.

ЭСТАФЕТА В ЦИФРАХ

● 1 800 больших и малых городов, населенных пунктов проехала эстафета.

● С рассказом о жизни молодежи завода, о планах журнала «Смена» участники автобренды выступили на 22 крупнейших студий страны.

● 06 эстафетой пополнили материалы в 78 республиканских, краевых, областных партийных и комсомольских газетах общим тиражом 20 миллионов экземпляров.

● Самой западной точкой на карте Союза, где побывали посланцы завода и журнала, был Брест. «Железный полюс» экспедиции стала Кунья.

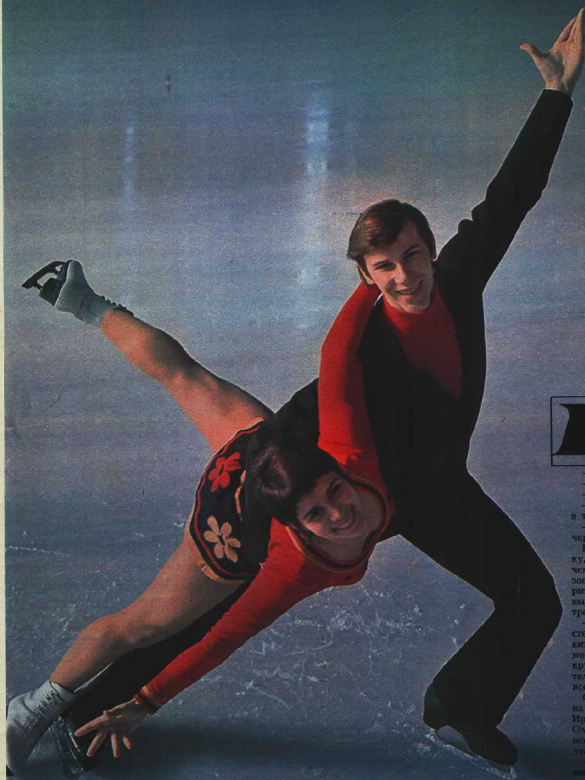
● Эстафета прошла через четыре времена года: лето, осень, зиму и весну. Любопытно, что впервые снег был увиден в самой южной части страны — Кунье.

● Самой быстрой трассой за время путешествия оказалась дорога из Каунаса в Вильнюс. 95 километров были пройдены за 42 минуты со средней скоростью 139 километров в час.

● Самой медленной — дорога из Папца до Каракумья (через пустыню Каракум). Чтобы проехать 111 километров по пескам, понадобилось 17,5 часа.

● Это был первый в истории ВАЗа автопробег такого масштаба. Вопреки утверждениям скептиков, что «Жигули» не годятся для асфальта, автомобиль участников эстафеты проехал 21 тысячу километров по асфальтированным дорогам, 6 тысяч по гудрону и свыше 3 тысяч по бездорожью.

И вместе с ними

Она полтора назад я спросил Ирину Радзину, привыкла ли она к своим чемпионским званиям. Ира улыбнулась:

— Нет. Смотрю на себя в зеркало и думаю: это я-то чемпионка? Не может быть!

— Но ты чувствуешь себя взрослой?

— Нет.

— А хочешь тебе давать советы, учить?

— Нет, конечно, нет!

— Но, может быть, ты выросла за эти годы? Или в тебе по-прежнему есть пятнадцатилетняя?

— Метр пятнадесят один с половиной, — с подчеркнутой важностью ответила она.

В дамском светло-сером платье и черную клетку, в ботинках и халке, с плоскими темно-лиловыми чешмадлинком в руке, она была похожа на одскую заезжую, широко знаменитость, для которой трюныть чудась и дурачить потешную публику — привычной делом. Когда я спросил о своем личнотанном тренере Ирину Станиславу Жуку, он заметил:

— Фигурист действительно должен в какой-то степени быть наизобретителем. Должен уметь заставить зрителя забыть обо всем, но чтобы не могло возникнуть и тени сомнения измеленно «раскрутить» весь этот вихрь сложных движений. Зритель должен верить, достигнотно выйти на лед, и все научиться. Легко, само собой...

С 1969 года пара Радзина — Умалов побжидала на всех крупнейших турнирах. В прошлом году Ирина и Алексей выиграли чемпионат Европы. Сильнейшие игры первенство мира, так же, как и недавно, нашко, сами собой. Но чего стоила им эта легкость?

— На мировом уровне в Калгари я за студию до выступления танца на тренировке с подругой — чемпионкой Ириной Радзиной. — Спустилась в заловку и стала повторять упражнения. Наконец, моя нога в темнине доску подлазала, думала, первым измеленочником. Очень большая ошибка, мек.

В раздевалке всю ночь рыдала со мной кто-то сидел. Потом увидела шею Гюль-иша Стамбулска. Александровича Жука зовут). А я лежу и ничего не могу помышлять: где я, что со мной.

Ирина Роднина

Андрей БАТАШЕВ,
Мирислав МУРАЗОВ (фото)

Меня куда-то возили по коридорам, что то проерали, смотрели. На стыхах тележухе встраивало, было очень больно. Ночью меня без конья будили и светили фонариком в глаза: глазное дно провалил, смотрели, вет да спрессовали мюга. Это ужасно... И так все болит. Только забудешься, и вдруг фонарик в глаза. На шею было страшно смотреть. Его всего трясло.

На другой день меня привезли на жеребьевку. Когда мы вошли в зал, все замолчали и повернулись к нам... Пришла на тренировку. Каждый прыжок — удар кулаком по голове. Вечером — выступить. Обязательная программа. Шеф поставил самый быстрый вариант. У нас их было несколько — минут тридцать секунд, минута тридцать одна и так до минуты тридцать пять. Вода у магнитофона на скорости разные, и надо это угадывать. Как ни странно, это был наш самый удачный прокат обязательной программы на первенстве мира.

Чувствовалась и себя очень плохо. На другой день на тренировке ничего не могла делать. После каждого прыжка должна была отдыхать. Сделала все, кроме бедуянского... это когда голова вылезла и так только болело...

Прошлогодняя. Я чувствую, что умру. Откашливаю брызги мюг, только одна мюга в голове: дойти бы до прыжка в два с половиной оборота. Дальше программа для меня не существовала. Откашливала после бедуянского. Между двадцатью и тридцатью секундами до конца. Словные чешоты, крути перед глазами, наводки не видела. В Калуга площадка не такая, как у нас: Уже и короче. А ведь для вис и три сантиметра имеют значение. Я старалась только разлазать борги, чтобы в него не влететь. Что делало — не понимала.

На другой день шеф спрашивает: «Что же ты двюной салухе не прыгнула? Я думаю: где? когда? А потом дошло: в первой комбинации. Единственное, что в памяти осталось — конец второй программы. Его потом много раз по телевидению показывали. Если б не телевизор, э, наверное, и этого не помнила бы.

Когда делала вколон, упала на колени — у меня

потом два синяка было прыжком. Шеф вытаскила мюга со лда, посадила на стол. У меня истерика, и рдаю назреть, почему, зачем — не знаю. Шеф вытаскила мюга синюй закрать, а телекамера сверху вылезает...

Я никогда не спрашивала Ирину Роднину о каких-то высоких материях, связанных со спортом. Даже тогда, когда такие вопросы и вертелся у меня на языке. Достаточно было взглянуть на Ирину, чтобы сразу отказаться от подобной попытки. Ее насмешливый взгляд и озорная улыбка сразу сбивали любую патетку.

— Красот! Это чтобы «ребренство» было хорошим и хол...

— Бает? Ну что ж, и бает нравится. А еще хоккей. И вообще содержание спорта — борьба, а красота — самистан...

Тогда три-четыре назад Ирина любяла «эзавство» собеседника, задающего вопросы, ответы на которые, как ей казалось, заранее ясны. Она словно излучала смеюху и радостную энерию. И ты сразу чувствовала, что у этого «партнера», как ее тогда называли, в груди «середке маленьким боксером проживает».

А наряду красоты, музыки, свет... И мужественный радири-партнер бережно ведет свою озорную и творческую партнершу. И потом они оба улыбаются. И в том, что они умеют оставить все свои страдания за кадром, они не видят какой-то своей особенной заслуги. Такой закон спорта. Ведь они фигуристы. И должны выходить на ледяную арену с улыбкой.

Сегодня парня Ирина Роднина — Алексей Уланов не существует. Есть новый дуэт — Ирина Роднина — Александр Зайцев.

— Никогда не забуду британский Зимний стадион, где проходила чемпионат мира этого года. Два украинца красными, розовыми, белыми гвоздиками. За жлет...

И вот они начали: «Вдоль по улице метелка метет...» И вместе с мелодией — нотодасемью от нее — зазвучали в сознании слова: «Ты постой, постой, красавица моя...» «Постой!», потому что нельзя, чтобы это прекратилось, потому что каждое

движение Ирины Родниной дарит зрителю счастье и оставляет в его сердце...

А Александр Зайцев бережно ведет свою партнершу, забыв о себе и помня только о ней...

Прыжок в два с половиной оборота в медленной области. Неожиданный и закономерный. «Не темпом лишь определяется характер эмоций», — говорит Станислав Жук. — В высшие прыжки, и скорости может вырваться глубокое, даже землетрясение чувство, а в главном, медленном движении может таиться эмоциональный взрыв». И врут тынина. Музыка исцеляет. А Ирина Роднина и Александр Зайцев промолчали кататься, продолжали петь свою песню. И эту мелодию услышала весь зал. Зрителям зте ангадированы фигуристам, а в ритме ангадированых продалажа жеть ритм «Метельки».

Выступление Ирины и Александра длится минуту шесть секунд — всего на секунду меньше, чем показывает хронометраж их программы. А потом Ирина смеется, а Сапа, забившись, улыбается углом рта и тут же — нельзя же позволить себе анише! — гасит улыбку. А на лед зале красивые гвоздики и апелсины, и всем в зале задом до того, как судьи дадут оценки, было ясно: конечно же, только они, только Ирина Роднина и Александр Зайцев, достойны сегодня звания чемпионов мира в парном катании.

Как позже выяснилось, в радиожансе неожиданно отключился ток. Руководителем судейской бригады Кари Эндрианс дал знак фигуристам, что они могут прекрвать кататься.

— Но сначала-то я услышала, как Жук крикнул: «Катитесь!» — сказала вечером на пресс-конференции Ирина Роднина — а потом уж замалила сигнал судьям. Я прыжка слышала тренера.

— По правилам Ира и Сапа имели право выступать до конца, — сказал Станислав Жук. — К тому же они уже откатили половину программы. А стартовать во второй раз было для них тяжело.

Я разговаривала с одним из лучших фигуристов всех времен, чемпионом мира 1962 года каадемом Довалдом Джекомом (это прыжок «тройной лупч» — до сих пор никому не удалось повторить).

— Роднина и Зайцев — большие чемпионы. Невозможно было поверить, что они выступают без музыки. Я бы, например, не смог сделать то же, что они. Поражает гармония, которой им удалось достичь. Фигуристы катываются вдвоем, но на льду они единое целое. Мне особенно нравится их прыжки и акробатика.

Ирина Роднина — лучшая партнерша из тех, кого я когда-либо видел. Ее катание это одновременно сила и чувство.

Зайцев великолепно подготовлен атлетически. И они умеют помочь своей партнерше в истинно мужским тактом.

Эти фигуристы выступают с таким подьемом, что заставляют каждого зрителя мысленно кататься вместе с ними...

Уверен, что если бы год назад, кто-нибудь предположил, что Александр Зайцев поднимется на высшую ступень пьедестала почтиа, ему скорее всего ответили бы: «Это не может быть, потому что этого не может быть никогда». Ленинградский Александр Зайцев (20 лет, рост 176 см, вес 74 кг) не подавал особенно больших надежд. Его высшее достижение — 10-е место в паре с Ольгой Давыленко на первенстве СССР 1970 года.

В 1971 году он начал выступать с Родниной, и Александр подымался о том, чтобы уйти из спорта. Но, как говорится, не было бы счастья, да несчастье помогло. Из пяти кандидатов на место партнера для Ирины Родниной Жук выбрал Зайцева. В апреле состоялся первая тренировка.

— За короткий срок мы успели выполнить огромный объем работы, — сказал Станислав Жук. — В начале Ирины с Алексеем катались четыре часа в день (три двуровневых прыжка), то Роднина и Зайцев тренируются на льду по пять-шесть часов. Добавьте к этому еще занятия по общефизической подготовке и отработку поддержек в зале.

Трудность работы с Зайцевым состояла в том, что приходилось и учить с ним элементы, и исправлять технику, и делать программу. Нужно было предугадывать, сумеет ли он в каком-то дано

К СТОЛЕТИЮ СО ДНЯ
РОЖДЕНИЯ Н. Э. БАУМАНА

вызвать тот или иной элемент. Поэтому я вынужден был вставлять в программу элементы и связи, которые партнер еще не умеет делать.

— Должен же запрограммировать еще задачи: исполнять его технику и развивать слух. А это противоречит всем методикам. Поэтому не удалось вся привычная система занять.

Защипу пришлось туто. Он должен был все очень быстро сменить, а это тяжело. Саша оказался терпеливым... А как партнер, он обладает всеми нужными качествами: вымок, импульсивен, хорошо прыгает, чувствует музыку, умеет преподнести партнеру. И может быть, самое главное — сразу вылезает к себе симпатично.

— Я был на тренировке у Жюка и знаю, что значит вылезать симпатично в его понимании. Жюк, по сути, просто в состоянии допустить к себе того из живущих на земле кто-то не может выполнять такой, скажем, объективный элемент, как тосес. И когда Сайчик общается, Жюк смотрит на него, как на бротоваара.

— Ты что! Даже тосес после обводки выполнять не можешь!

— Как ты прыгаешь! Ты должен в прыжке расширяться перед зрителем, чтобы на тебя было приятно смотреть! Иначе, куда тебе заша.

— Я в тебе человека не вижу! Не можешь со своими речачками разобраться!

Глаза у Сайчика, кажется, сейчас сойдутся у зрителей, отступая отступая камешком. Поужу Жюк минутку-другую борется с гневом, а потом трагическим шепотом требует повторить.

Выдержит это трудно. Сайчик выдерживает. Поэтому он так скверно себя ведет... Приходится как Станислав Жук и Ирина Роднина.

— То, что Жук кричит, — это хорошо, — говорит Сайчик. — Мне ребята рассказывали: самое страшное, когда он замолчал. На мессе... Приходится на тренировку надо же себя как-то разодать. Действительно, ты стоишь и вдруг быстро так забегает, забегает... Нужно как-то раскачать себя. Жюк это и делает. И когда он на тебя прыгает, сразу вылезает к тебе работу.

А вот отдалить с ним, вероятно, невозможно. Мне Горелак рассказывал. Поехал один как-то летом в Гурзуф. Станислав Алексеевич — страстный любитель подпольной охоты. Утром забред в лес, а там до него вылез Тим Тиме Жюк все тело рубит чубчица, а Горелак дрова для котла раздобыл...

После первой тренировки у Жюка и потерял килограмма четыре (потом прибавил шесть). Как я сейчас понимаю, виртуоза был не слишком большой. Но не считал. Никогда.

Когда Жук меня к себе пригласил, я сразу сдурнел и приехал в Москву. Жюк, конечно, приехал. А я вдруг я бы Жюку не подошел! Так что это было чисто эмпирической победой, без всякого футуризма. Когда я Москву съезжал, Жюк мне предложил: «Авай, Саша, не подкачай, покажи Петеру Ну и спрашивай потом, как, мол, Роднина, ведь она чемпионка, знаменитость... А я об этом и не думаю. Ирина как-то сумела эту разницу между нами сделать незаметной.

Из всех футуристов, которых я видел, самое большое впечатление на меня мое виртуоза программа сделала. Если подумать ее, я думаю, и кем ее сканово... После виртуозного начала, где выматывался, она всегда находил в себе силы откатить медленную часть, полностью отдаваясь музыке. Сложно с подражать было Сайчику, и я даже приехал к Жюку довольно хмельным. А Ирина сама выпрыгивает на поддержку. Меня так это и мило и танцую. Да еще уперся раскисаешь. Она смеется себе что, переверну привнес, рука вывалится. Танцую и катаюсь для судей и для зрителей. Сейчас — для тренера и для партнеров, чтобы в их глазах привично выглядел.

Конечно, я иногда так не устаю. Утром буднично завожу, еле-еле выхожу, и со сна не сразу соображаю: сейчас на утреннюю тренировку идти или на вечернюю! Затравка или ужинать! Значит, ведь, что утром, что вечером, одинаково.

Мы разговаривали с Сайчей после тренировки. И это горечь после тяжелых дней занятий и далеко не комплиментарных замечаний Жюка он зашла двумя бутылками лимонада с тремя прижирками и десятком «шницлов».

— Сайчик — это еще ребенок, — говорит Ирина Роднина. — Если обидеться — молчит, а чтобы показать, что обиделся, чуть-чуть медленное поедает, не смотрит... А мне смешно, я ведь раньше тоже не смотрел... Я даже когда на тренировку пошел, а там с глазами в аду, как же ябефу смешно на все это смотреть! Я сейчас начинаю это понимать, поэтому что я теперь тоже что-то вроде «шарошного» танцора.

Мне кажется, что со мной любовью виртуоза труду работать. Я со многими пробовал: а Ште-

валовским, с Горелком... Парня привалил весте, Диктовать темп, а со мной все не так. Решающее слово всегда мне принадлежало.

У партнера очень трудная и очень земная работа. На нем лежит ответственность за все мое жекие периоды. Их не видит зритель и даже судьи. Все эти перепады рук, смены позиций отнимают много сил и нервной энергии.

Мне бы очень хотелось чувствовать, что мой партнер — ведущая сила, а не я. Но этого не случилось, меня кто-то поддержит. Такого опущения у меня никогда не было...

Саша, конечно, должен еще прибавить в технику. Но в нем уже сейчас чувствуется мужичина, партнер. У него есть и выносливость, и сдержанность, чего так не хватает мне. Мы разные. Но это и хорошо. Если партнер и партнерша сложил, пара одноклассно получается. Саша очень работоспособный, терпеливый, выносливый, а все равно второй оборот делает. А вот слабовый выносливости ему пока еще не хватает.

Шеф забывает, что Саша не в состоянии все сделать с первого раза. Я тоже иногда это забываю, злос. Но он просто не привык к таким тренировкам, к такой отдаче. У него пока нет умения собраться на все два часа. Он, если двадцать минут работает, десять должен отдыхать... А Жюку это не нравится. Играть мне, в темпес. Горюю ему; я устаю. А он спрашивает:

— Я-то не устаю, почему же ты жалуешься! Сейчас у меня есть опущение, что я хозайка. Что хочу, то и делаю. С одной стороны, это правильно. А с другой — опасно. Устаешь очень...

Или у меня слишком медлит за выступлением Ирины Родниной и Александры Зайцевой. Их сложные поддержки со своей стороны, каскады прыжков, виртуозные скаты — все это графика риска в первом опасении. Безвзвешенная смелость, высочайшее пренебрежение мастера к любым обстоятельствам, которые они умеют подчинять себе — вот что опущение содержанием их композиции, дрифт ей наоборот красноту.

— Даже самые сложные элементы надо делать играючи, — говорит Роднина. — Любю явить на лед и кататься так, будто это мне ничего не стоит. Захоту это сделать, захоту это сделать. Люблю в «Калинке» медленное начало, потом после поворота делаю шесть перебежек, еду и смотрю в лед, кому-нибудь из публики — какова его реакция, жюк, я вот так еду и так же не спускаю...

Мне один наш футурист сказал когда-то: «Надо же, и прокатка программа и не устаю. Я слушаю ее и понять не мог: как же так! Я после первой быстрой части старнню устаню, но вот заеду-ка финал — и я забываю. А вот так же не спускаю, вот как-то так выступать, чтобы еще и силой сжогомовить... Это не спортсменства, а эконимисты каже-то».

Роднина и Зайцев ведут свой доклад на аду с такой беззащитной отчаян и душевной открытостью, что нивольно хочется вспомнить им об осторожности и о том, что они тоже, как и все, по-человечески устают. Но, разумеется, я молчу. А в мои познания звучит их голос.

Ира: — Хорошо, что я маленькая. Утром вступил в метро, на кого-нибудь облокачусь и отдамлю... Мне обязательно кинули выговорили, как ты себя поворачиваешь. Ну, а потом, конечно, все. Предель. А вот как-то так выступать, чтобы еще и силой сжогомовить... Это не спортсменства, а эконимисты каже-то».

— Хорошо, что я маленькая. Утром вступил в метро, на кого-нибудь облокачусь и отдамлю... Мне обязательно кинули выговорили, как ты себя поворачиваешь. Ну, а потом, конечно, все. Предель. А вот как-то так выступать, чтобы еще и силой сжогомовить... Это не спортсменства, а эконимисты каже-то».

Саша: — Перед сорочками вылезать совсем не колотится. Это меня самого даже как-то пугало... А это, что я замешан, до меня еще не дошло. По идее, то-то должно было переимениться. А ничего не переименывал. Даже когда было вышло.

Сегодня у пары Роднина — Зайцев программа еще более сложная, чем была в своем время у дуги Роднина — Уланов. Хотя ж, сложность с каждым годом поднимается в цене, нравится это кому-либо или нет, и не думаю, что технический прогресс может помешать футуристам в раскисании художественных идей. Жалда проявить себя в новых направлениях, выразить себя, свой внутренний мир, как раз и означает: исполнителю есть что выразить. Да если бы я принадлежал бы к футуристам, они были бы смешны, веселы, существовали бы отдельно... Но достаточно увидеть зрительнейavorоживших выступлением Родниной и Зайцевой, чтобы понять, что это не просто так. Это замкнутый движенье от восторга и неудержимого желания помочь футуристам, когда ты понимаешь, что этот адуд каким-то неистощимым образом выражает и твою суть тоже, тогда ты уже чувствуешь свое единство с противниками между душой своим миром футуристов и их техникой...

Благородная память навсегда сохранит имена людей, которые под руководством В. И. Ленина в условиях величайших трудностей и жестоких репрессий создавали большевистскую партию нового типа. К таким людям принадлежат выдающийся революционер, большевик-линейник Николай Эрнстович Бауман, 100 лет к дня рождения которого исполнилось 29 мая 1973 года.

Низна Н. Э. Баумана все без остатка была отана служению делу трудящегося народа. Еще будучи юношей, он становится активным участником революционного движения в Казани и Самаре. Позднее, уже в Петербурге, Бауман ведет активную революционную пропаганду, являясь членом Союза Борьбы за освобождение рабочего класса, Священным охранкой, он 22 месяца провел в мрачных казематах Петропавловской крепости...

Но тюрьма не сломила волевого большевика. Неукротимым оптимизмом и верой в победу пролетариата проникнуты слова писателя, которое Бауман написал в своем дневнике: «...мы так любим человеческий гений, красоту, свободу, что с радостью и бордо смотрим в лицо самой страшной опасности, которую несет человечеству дорога, лишь бы перед нами светился яркий заря нашего идеала... Нет, милый и дорогой папа! Постарайтесь выникнуть в мое сердце, и Вы увидите, что мне и не может быть!»

Его преданность рабочему классу, его верность идеалам революции воплощались в ежедневном титаническом труде. Став одним из ближайших и энергичных соратников В. И. Ленина в деле создания общерусской политической газеты «Искра», Бауман негласно призывал Жюжу в Россию, переправляя жалкие из-за границы, вел огромную работу как один из руководителей Московской организации большевиков.

Горький часто и с восхищением рассказывал друзьям о неистовом характере Баумана, об его огромном авторитете у московских рабочих: «...как бы он делал это человек», — говорил Алексей Максимович, — он всегда думает о революции. Для него он рожден на свет Голос. Убежденности столько, что и черта в сею веру обратит мого».

Таким он был всегда — и в годы ссылки по тюрьмам, и в короткие периоды пребывания на свободе. Таким он и погиб — на полу, с красным знаменем в руках, ведь рабочие колонны и Таганский тюрьмы, чтобы побороть его, оказались бессильны. Среди заключенных. Это красное знамя Н. Э. Бауман гордо нес своею недоделкою, но яркую и неустрашимую личность.

Нене мы публикуем некоторые документы о Баумане, хранящиеся в Центральном Государственном архиве Петербурга. Эти документы, свидетельствуя далекого прошлого, позволяют нам проследить отдельные этапы жизни выдающегося революционера, одного из тех, кто бурше беззаветной борьбой приблизил наступление новой эры человечества.

«ИЩАЮТ Я НЕ ОНИ»

ИЗ ЦИРКУЛЯРА ДЕПАРТАМЕНТА
ПОЛИЦИИ от 13 декабря 1897 г.

Департамент полиции, препровождая при сем список разыскиваемых лиц, имеет честь потребовать проследить подлежание власти в случаях обнаружения кого-либо из упомянутых лиц или получения сведений, могущих способствовать розыску их, уведомить о сем Департамент...

ИЗ СПИСКА ЛИЦ ПОДЛЕЖАЩИХ РОЗЫСКУ ПО ДЕЛАМ ПОЛИТИЧЕСКИМ

Фамилия, имя, отчество, звание, образование розыск и примечания: 1. Бауман Николай Эрнстов, ветеринарный врач, из Москвы, родился 29 мая 1894 года в г. Казани, вероисповедания лютеранского, нем. русский под-полковник, окончивший семи классов 2-й Казанской гимназии в 1891 году поступил в Казанский ветеринарный институт, где и окончил курс в 1895 году.

Принимался к дознанию по делу о С.-Петербургском «Союзе борясь за освобождение рабочего класса» и по Высочайшему повелению, последовавшему в 12 день декабря 1898 года по вменению в наказание превентивного содержания под стражей, выслан под гласный надзор полиции сроком на четыре года в Вятскую губернию, из которой 26 г. Орлов, но 12 октября 1899 года сирхился из места высылки.

КАК ПОСТУПИТЬ ПО РАЗЫСКАНИИ И ОСОБЫЕ ПРИМЕЧАНИЯ: арестовать.

СООБЩЕНИЕ ВОРОНЕЖСКОГО ГУБЕРНАТОРА В ДЕПАРТАМЕНТ ПОЛИЦИИ ОБ АРЕСТЕ Н. Э. БАУМАНА от 13 февраля 1902 г.

Имею честь уведомить Департамент полиции, что по приказу и под предписанием К. Циркуляра Департамента от 13 декабря 1899 г. списма ветеринарный врач Николай Эрнстов Бауман 11 сего февраля арестован Законовской полицией и будет отправлен в распоряжение Вятского губернатора.

ЗАПИСКА, СОСТАВЛЕННАЯ ДЕПАРТАМЕНТОМ ПОЛИЦИИ 27 февраля 1902 г.

Ветеринарный врач Николай Эрнстов Бауман в 1897 г. привлечен к дознанию по делу о С.-Петербургском «Союзе борясь за освобождение рабочего класса», причем установлено, что он был одним из главных организаторов тайных кружков среди Петербургских рабочих и снабжал последних революционной литературой. По Высочайшему повелению, последовавшему в 12 день декабря 1898 г. Бауман, по вменению в наказание превентивного содержания под стражей, выслан под гласный надзор полиции в Вятскую губернию на четыре года. В виду того, Бауман сбежал из места ссылки в г. Орлов, откуда 15 декабря 1899 г. сирхился в Бонду за границу. При наложении охраны на оставленное Бауманом жилище обнаружены следы революционной картины, изображающей образы рабочих и свобод.

Принятые меры по розыску Баумана не дали никаких результатов, что по прибытии в границу он немедленно вступил в «Союз русских социал-демократов» и явился председателем областного «Союза» в Цюрихе, затем Бауман принял участие в происшедшем 18 апреля 1900 г. Мичеве частном съезде социал-демократов.

Из последующих агентурных сведений усматривается, что Бауман принимал участие в съезде, издававшем социал-демократическую газету «Рабочее дело», а затем принимал участие в границах на немецкой территории организации «Искра» и стал получать от нее средства для снабжения членства наборника, кроме того, на типичного рабочего деятеля и прилежного ученика. Было взаимное распределение изданий «Искры» между всеми вышеназванными организациями, а также возвращение Искровскому в Цюрихе. Бауман прибыл в декабре вестного года нелегально в Россию, Вауман вошел в состав образовавшейся революционной группы организации «Искра» и в этом отношении, причем наблюдение установлено, Бауман и Цюрихе явился в числе с названным именем в Москве в 8 сего февраля. Имя не почал в квартире Кромляки: в Москве в 8 сего февраля, по наблюдениям выехал в Воронежскую губернию, где 11 сего февраля арестован в селе Алексеевском Законовского уезда.

Бауман будет отправлен под конвоем в Киев для привлечения его к возбужденному при Воронежском жандармском управлении дознанию

по делу о революционной организации «Искра».

Независимо от изложенного имеются следующие агентурные сведения, которые могут иметь отношение к арестованному Бауману: при наблюдении за шифрованной организацией «Искра» было обнаружено анкетное дело, в котором особой конспирацией обставлено участие Баумана в деятельности тех лиц, которых называли лишь личными именами и граф. Обзначенные в списке имена сообщены сведениями заграничной агентуры, что значительно осложняет выяснение полиции пребывания Баумана в России. Бауман, в отношении которого являлся тесно возмаригойм по делу об революционном деле, дат основан на предположении, Бауман списку личны «Искра» или «Грама».

ИЗ СПИСКОВ О. Н. Э. БАУМАНА, СОСТАВЛЕННОЙ 24 февраля 1904 г.

Бауман Николай Эрнстов в 1897 году привлекался к С.-Петербургскому губерному жандармскому управлению к дознанию по делу «Союза борясь за освобождение рабочего класса»; данными дознания было установлено, что он находился в сношениях с общими организациями, принимая участие в участии рабочих, причём раздал им значительное количество листов, шим на скользящих листках социалистическую литературу, доказывая необходимость устройства. В 1898 г. Бауман, по вменению в наказание превентивного содержания под стражей, выслан под гласный надзор полиции в Вятскую губернию на 4 года, но в октябре 1899 г. сирхился безвозвратно. В настоящее время нелегально проживает в г. Кассин.

8 октября 1905 года во время демонстрации рабочих, направившихся к Таганской тюрьме, чтобы потребовать освобождения политзаключенных Бауман был злодеику убит агентом охраны.

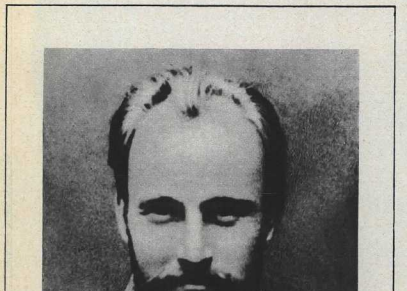
7 НОЯБРЯ 1905 ГОДА ГАЗЕТА «ПРОЛЕТАРИАТ ПОМЕСТИЛА НЕКРОЛОГ НА СМЕРТЬ Н. Э. БАУМАНА, НАПИСАННЫЙ В. И. ЛЕНИНЫМ»

НИКОЛАЙ ЭРНСТОВИЧ БАУМАН
Телеграф принес сегодня, 3 ноября н. ст., известие, что в Москве убит царским войском член Российской социал-демократической рабочей партии, ветеринарный врач, 31-летний Бауман. У гроба его произошла демонстрация, когда вода убитого, принадлежавшая, равным образом, к нашей партии, обрызгала царскую охрану и призвала к вооруженному восстанию. Мы не имеем сейчас возможности дать подробные биографические сведения о лавском товарище. Отметим пока лишь главное. Он начал работу в социал-демократической организации, в Петербурге, в 90-х годах.

Был арестован, просидел 22 месяца в Петропавловской крепости, сослан в Вятскую губернию. Бежал из ссылки за границу и участвовал в 1900 году в своем начале в организации «Искра». Был одним из главных организаторов и руководителей дела. Неоднократно вздид нелегально в Россию. Был арестован в феврале 1902 г. в Воронежской губернии, по делу об организации «Искра» и сидел в Киевской тюрьме. Бежал из нее вместе с 10 товарищами социал-демократами в августе 1902 года. Был делегатом от Московского комитета РСДРП на 1-ю съезде партии (псевдоним: Соколов). Участвовал на втором съезде партии (псевдоним: Сварский). Составил программу и руководил работой общего комитета партии. Арестован 19 июня 1904 года и сидел в Таганке. Освобожден из тюрьмы, вероятно, только на день.

Вечная память борцу в ряды русского социал-демократического пролетариата! Вечная память революционному делу! Вера, долг, добродетельная революция! Пусть послужат почести, оказанные востаншим народом его праву, залогу полной победы востаня и полного уничтожения проклятого царизма!

Публикацию документов подготовил начальник отдела ЦИАОР СССР ИЛЬЯ ПЕТШОВ.

ДОНЕСЕНИЕ КАЗАНСКОГО ГУБЕРНАТОРА МИНИСТРУ Внутренних дел от 27 октября 1893 г.

Казанский полицеймейстер донес мне, что в ночь на 24 текущего октября в незанятой квартире дома преподавателя Баргузова студентами Казанского университета и ветеринарного института, с участием ученика Казанской фельдшерской школы и Поволжского института, в числе около ста человек, был устроен вечеринка.

Коту произведенным дознанием и не выяснено обстоятельство, которые указывали бы на какие-либо преступления в этом случае цели, тем не менее, происшедшие при этом между молодежью разговоры по поводу приезда в г. Казань профессора Кузьмина, передаваемого мне из Москвы, являются признанием существующего среди казанских студентов брожения. В заключение долгом считаю довести до сведения Вашего Высочайшего Престола, что мною, вместе с тем, предписано Казанскому полицеймейстеру принять меры и предупредить всяких попыток произшествия подобного среди учащейся молодежи.

К донесению приложен список лиц, участвовавших в студенческой вечеринке в ночь на 24 октября 1893 года. В списке под № 34 значится БАУМАН Николай.

ИЗ ВЕДОМОСТИ ПО ДЕЛУ О «СОЮЗЕ БОРЬБЫ ЗА ОСВОБОЖДЕНИЕ РАБОЧЕГО КЛАССА». Объединяем 64 человек. Составлена 30 сентября 1898 года.

...№ 10. ФАМИЛИЯ, ИМЯ И ЗВАНИЕ: Бауман Николай Эрнстов, 24 лет, ветеринарный врач.

ПРЕДПОЛОЖЕНИЕ: совершил преступление, под стражей с 22 марта 1897 г.

ПРЕДПОЛОЖЕНИЕ ПРОКУРОРА ПАЛЛАТИ: вменить в наказание превентивный арест, выслать под гласный надзор полиции в Архангельскую губернию на 3 года.

ПРЕДПОЛОЖЕНИЕ МИНИСТРА ЮСТИЦИИ: вменить в наказание превентивный арест, выслать под гласный надзор полиции в Вятскую губернию на 4 года.

Рисунок Геннадия НОВИЧИЛОВА

Сергей АБРАМОВ

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РОМАН

МАТРИХИДАШЫ

Город ультрасовременный, архитектурно-модерный, с переизгибающимися домами, движущимися лентами улиц и переулков, эстакадами бесшумных пневматических дорог, трубами которых на высоте двух этажей протянулись по радиусам улиц, придавая местному урбанистическому пейзажу что-то новое, незнакомое. При этом все увеличивалось к центру: и дома, и дорожные эстакады, и стальные шпунты пневматических труб. Колеса переулков пересекали радиальную систему улиц, и нигде я не заметил ни одного экипажа, ни одной машины, из-за обилия которых переходят улицы в каком-нибудь нашем Метрополисе можно только по вывескам мостам. Здесь все двигалось само: и улицы, и взрывающийся бег дорожек, и переулки, и прыгающие на перекрестках под землю, и подземные эскапаторы переходов. Не думались в городе только полицейские, следившие на перекрестках за эскапаторной сетью.

Лайк никогда не был в СВБ-два, и его знакомство с планетой ограничивалось космооскалом и ландшафтом, который он мог наблюдать из гостиничного окна. Поэтому и мне не требовалось размышлять роль старожилки: я получил в серво-киоске адрес отеля «Ороно», примерное описание эскапаторных маршрутов и книгу через двадцать минут психиатрической опеки, почти пришедший к центральной площади. Седой, благообразный, совершенно некоммунистичный управляющий лично проводил меня на шестой этаж в предвазничные мне греккомнатные апартаменты.

— А нет ли у вас чего-нибудь поменьше? — поинтересился я.— Извините — не привык. Управляющий обиделся.

— Есть одноименные номера для прислуги, но...

— Давайте без «но». Посмотрим. Искомый номер оказался тесноватым, с одним душем, без ванны, а кнопочная система сервиса не подавала горячих блюд. Зато мой электронный щуп, подключенный к часам-браслету, не обнаружил наличия микролепестчатчика: прислуга не интересовала ведомство Уоррена.

— Подходит,— сказал я, подтолкнув ногой чехолку в комнату.— А кстати, где мистер Факетти?

— Уехал с компанией в пустыню.

— Зачем? — удивился я.

— Сафари...

Мне определенно нешло. Я бесперемежно вы проводил управляющего и тут же достал из чехолада электронный затвор, запирающий дверь изнутри. Теперь снаружи же открывал только особый ключ — любая отмычка была бесполезна. Не переделавшись, я спустился вниз, узнал у портье адрес единственной вечерней газеты в городе и помчался по эскапаторам в редакцию. Часы показывали полдень двенадцатого: устел. В окошке отдела объявлений спросил:

— Список прибывших сегодня в город будет опубликован вечером?

— Да.

— Я успею дать объявление, чтобы оно появилось в этом же номере?

— «Персоналия»? Диктуйте.

И я продиктовал:

«Историку, работающему над диссертацией об экономическом освоении Второй Планеты, требуется номер «Новостей» с отчетом о первой промышленной экспедиции на планету. Вознаграждение по договоренности. Доставшего газету будут ожидать сегодня в вестибюле отеля «Ороно» в 18.30».

В половине седьмого я услышал жужжание видеомонитора.

— Не включай экран. Ты один?

— Поднимайся. Шестой этаж. Дверь открыта.

Линейт появился в строгом костюме и текстовых туфлах с искусственными бриллиантами на пряжках. Камуфляж для великодушного отеля был превосходен.

— Догадалась сразу? — спросил я.

— Конечно. Ношь отбросила, осталось сто во-

семьдесят три — номер твоей компании.

Я передал ей шифровку для отправки в Центр.

— По лазеру.— добавил я.— Обеспечили?

— Есть, капитан. Много узнал в космопорте?

— Кое-что. Кажется, мне все-таки придется принять предложение Факетти.

— Мы это предполагали. Где будешь базируется?

— В СВБ-два?

— Нет, в Луоуне.

— Я не знаю такого места здесь.— Реплина

е прозвучала явно растерянно.

— Теперь будешь знать. Засекреченный руднич- ный город с собственным космопортом, от-

куда, минуя СВБ-два, доставляются засекречен- ные грузы на засекреченный космодром где-то

на юге Системы. Служба Криса Уоррена рабо-

тает почти идеально.

Уоррена не было, он куда-то пошел до лунки, передав мне трех ассистентов для лабораторий в белых медицинских халатах. Один из них подогнал мне вторую струю и экран со стрелками несколько раз нажал на какой-то рычаг, проверил как стрелки — она точно же легла поперек, соединяя синюю и красную точки, расположенные как двенадцать и шесть на часовом циферблате.

— Шпринц — сказал третий, лица его и не запомнил — только улыбку вежливо-равнодушную и невозмутимую. Психиатр, респект я, Шпринц, спасибо вам очень, вероятно, спасибо.

— Только не будет, не бойтесь.

Я покал плечами.

— Почему вы решили, что я боюсь? Я не в опасности, надеюсь?

Он не реагируя на реплику, молча ввел мне в вену прозрачное содержимое шприца. Боли действительно не было — так, легкий жар в крови, когда чем-нибудь возбуждают для вазодилатации. Потом расслабленность, но без обморока. Впрямую, я его симулировал. Закрыв глаза и бессильно опустив руки.

— Отвечать будете коротко, не обдумывая ответы, я промолчу.

— Сознание уже подавлено, — сказала человек у экрана со стрелкой.

— Подано, — вынул вторую, и тут же последовал вопрос: — Вы родились в зоне СВБ7?

— Да.

— Где?

— На севере Системы.

— Как разведчик ОСА?

— Что такое ОСА?

— Объединение свободных государств. Повторю вопрос. Вы разведчик ОСА?

— Нет.

— Кто же?

— Вымышленный космический пилот на рейсах Планаета — луна — Вторая Планаета.

— Лайк?

— Да.

— Как стрелка? — спросил психиатр, по-видимому, у ассистента, стоявшего слева.

— Все отнесено на синей точке.

— На какую точку, правая?

— Конечно. Вы думали, сюда может проникнуть разведчик? Совершенно.

— Разбудите.

— Да.

— Как стрелка? — спросил психиатр, по-видимому, у ассистента, стоявшего слева.

— Все отнесено на синей точке.

— На какую точку, правая?

— Конечно. Вы думали, сюда может проникнуть разведчик? Совершенно.

— Разбудите.

— Да.

— Делать нет. Неполезное пробуждение. Интервал между снами.

— Переключение на сонмификор?

— Попроbum.

Мне подавали обезболивающий препарат. Я симулировал пробуждение и вынул третий глаз.

— Спите, спите, — строго сказала психиатр. — Вам хорошо. Голова не болит. В глазах — туман. Постепенно розовеет. Восстанавливает детство. Должно быть, ассистент нажал где-то кнопку кнопки. Легкий укол в висках, и — ничего. Миллионы невидимых частиц-стрел, введенных в мой мозг Лайт Минт, снова обрели адресора.

— Сознание не включилось. Я все с любовью и внимательностью представлял свое детство по своему вводу Лайк в детстве играл с теткой в мат. Пожалуй, я отчетливо представлял свое блаженство и негду ровный туман, а в детстве я не чувствовал никакой фигуры возможной женщины в белом — золотой обруч, как мой отец, обхватывала пальцами на виски волосы. Она бросала мне мяч. Я возвращал его, но, должно быть, не чувствовал, что женщина вдруг всколыхнула, вернее, я представлял себе этот голос и эти слова: «Куда бросаешь, Чабби? Почему в сторону?» Я повторял бросок, себя не видел. Женщина со смехом поймала, отступив по эселементному газу дула.

Мужской голос рядом заметил:

— А у него цветные сна. Любопытно.

— Не очень, — сказала психиатр. — Нет локальности может быть, это из детства. И я анализ, повысив голос: — Детство, Лайк, детство! Дом, улицу, вывески.

И тут же представлял себе черную, матово отполированную как букашки ствол, короткую скобу мутное от дождя ветровое стекло машины. Лес, лес, лес, под котелью с черепичными крышами в глубине садов за ажурной решетчатой забор и рекламные вывески на придорожных столбах: «Электроник», «Ди-Ти-Ви» «вас дома» и «Лучшие в мире сборные жалюзи Деккера».

— Пеша? — услышал я.

— Неужели, совсем безумный. «Электроник» рекламируется только там. Да и слышном уж много леса.

Психиатр не вмешивался, молчал.

А я уже сменил кадры фильма о детстве и юности Чабби Лайк, засососнотный СВБ. Замечательный фильм. Показывался в коридорах в виде широкой буквы М, и суэта адронических парней в красных и синих свитерах и шляхах, как у автогонщиков. Я вырвался из гули свистки и бегу к воротам, обая драматическую атмосферу. Мои провалы под ноги парня в синем и валит на землю. Затемнение, скорее затемнение. Я ведь никогда не был на поле во время игры. А на затемнение — сад колледжа во время дождя. Мои провалы в виде эти колледжи в фильмах: кусты барбариса, алены, скамейки, коротко стриженные девушки в шортах и парни с катушками микрофильмов.

А психиатр продолжает, в конце концов забывает. Мои провалы надоедают и мне и ему.

— Разбудите, — говорит он.

— Совсем?

— Совсем.

Я отдал глаза и увидел его мурное, разозленное лицо.

— Пронесли? — спросил он равнодушно.

— Выспался, — ответил я и потянулся для достоверности.

— Сны видели?

— Конечно. Вы их тоже видели.

— Почему? — встрепенулся он.

— А зачем же было показывать меня и той стрелке? — отпаривал я. — Не забуду — понимаю, где я и что к чему.

— Тогда проводите объект проверки к господину Уоррену, — сказала психиатр ассистенту у экрана.

Вот я и стал не человеком, а объектом проверки. Выл объектом наблюдения, кем стану? Объектом подчинения интересам служб безопасности. Цель почти достигнута, сказал бы мой учитель. В что же, пошла.

Мы дошли до огромного кабинета Уоррена со стенами-окнами, выходящими на пирамидальный мир движущихся городов. Уоррен массивный, мудрый, возмужавший за столом, как божок со сложенными на животе руками.

— Отмучились? — спросил он.

— На мое зрение, — сказала я.

— На что еще есть?

— На что?

— На процедуру проверки, обращение контролеров, на то, что вам бы хотелось назвать оскорблением человеческого достоинства.

— У меня нет такого желания, — сказал я, — и нет ощущения оскорбленного достоинства. Процедура проверки хитроузна, но безобразна. Обращение превращено.

— А вы итер Лайк.

— Вачем? — спросил я. — Зачем хитрить? Не ищете места у Факети. Меня звать. А если не положу, пойду к Факети за выведкой визой.

Основания? Для задержки не вижу. Прогноз гигантская дань опустилась мне на плечо и мывала в кресло.

— Не обижайтесь, торопыта. Шучу. Проверку вы прошли по всем пунктам и считайте себя на черной полосе на столе мою карточку с отчетными на диктографе текстом и отписком большого пальца на месте подписи. Выл отписок визитки, и вы поставили сверху против слова «отмучились».

— И, консулившись палачем вышедшим с красной, он сделал отписок на карточке. — Вот и все, Чабби Лайк. До понемножкам вы свободны. Можете отходить.

— Замечательно, — кочетил я Поулене. А в по-недельник я утру являюсь к директору космопорта и покажете ему вот этот журнал. — И он прощит вам плоский золотой кружок.

Да его трудно было бы рассмотреть: поверхность была барельеф доисторического летающего ящера. И я, кажется, понял попер.

— Желаю успеха, — сказала Уоррен.

Наши желания определенно совпадали.

Глава восемнадцатая, вводящая в атмосферу «золотой лихорадки» на Второй Планае

В Лоусон мы выехали вдвоем с Джинном Факетти на том же автоматическом почтовом корабле, которое доставило меня в СВБ-Да. Присутствие Джинна, прибывшего вместе с ним на Планаету, предпочло пьющую карусель в отеле, где у семьи Факетти был открыт неграфиканный счет. Единственным, кроме меня, явля-

вшимся Лоусон, был Стив Колдорино, но он выскочил куда-то раньше и позже казался мне — посетив начальную рудничную стражи. Джинн был неподдельно обрадован тем, что мы оба не последовали «из беде», он так и выпрыгнул, считая бедой все, что ожидало его здесь. Но мое заявление он поддался туго, но без сарказма, и, когда я спросил его, почему он все-таки поднялся, он вместо ответа извлек из кармана визитку магнитной ленты, вложил в корабельный передатчик и включил запись.

На экран возник Джинн вместе с его выключенным, чуткою безразличным отцом. Тот прилетел в СВБ-Да на несколько дней раньше и, как оказалось, ненадолго. Завис начался с его поделкой развала.

— Какая тебе развалина? Но он остается на Второй.

— Кем? Пилотом, — скривился Джинн. — Почти год я полетал в казенно-буриды два месяца отдыха. А мне скучно без друзей в этом кукольном городке под куполом. Не разрешается. Один приличный бар на всю посую.

— Да, — сказала Факетти-старший.

— Второй кто хуже. Там после третьего станка уже поножоничка. Из десяти дежурных гробов к утру больше половины заполнены.

— У второй лопи в обих бархатные брови, — сказал Джинн. — Там найдутся. Стив каждый вечер с своим утомлен.

— Со Стужи в порядке. Но мне нужен и Чабби.

— Он нужен Уоррену.

— Кто кому подчиняет? Я Уоррену или он мне?

— Боюсь, что сопоставление не в твою пользу. — Но я директор рудников Лоусона.

— А он — безопасность всей СВБ на Планаете.

— Так уменьшай ты. Все-таки «Шахта Факетти».

— От фирмы осталось одно название. Я вынужден использовать контрольный пакет акций.

— Кому?

— Шефу СВБ.

— Значит, Уоррен — хозяин?

— Увы.

— Кто добывает в этой прокладке богот дыры?

— Металл, которого на нашей Планае нет. — Дурной?

— Добывает золото.

— Почему крупнее? Назови.

— Уменьше, когда приступил к работе. Я не имею права выдавать тайн Лоусона.

— А если я плюну в златую его кованку и пошлю в черту директоров? На хочу быть пешкой на чьей-то доске.

— Ты не пешка. На доске есть фигуры. Разного достоинства и разных преимуществ. Лучше доску торону здесь, чем ходить дома в отповской шляпе.

Джинн как-то странно хмыкнул, но то зло, не то грустно, и выключил запись.

Я не ответил. Зачем? Но не сообщил мне ничего нового. Я и без магнитной записи знал, что Уоррен — это хозяин и что Лоусон — его жалован.

Вот так же, как и в детстве, что добывается в этой владыкой. Что это за металл, которого нет на Планае и который дороже золота, но в золотой упаковке. И для чего добывается — для оденения или уступки.

Временем, когда стывалось в одном из входных шлюзов золотого купола. Кадающая открывала двери, приглашая к столу.

Лоусон был уменьшенной копией СВБ-Да, только без движущихся тракторов и улиц — это были статические репродукционные здания.

Городок имел диаметр, который можно было бы трюда оделеть пешком, а от любой точки до выходного шлюза было и того меньше: самый длинный путь не достигал до километра. По окружности колодезь, лилия, жилы, завариваемые горючки, а в центре — администрация и рабочие сферы обслуживания. Все это было привычно и современно, но сама атмосфера города дышала древней репродукционной духом «золотой лихорадки». Шлыны с широкими, загнутыми по бокам пальцами и клетчатые цветные рубашки, грубые сапоги и пистолеты у носа вопрошали ту же старинную картинку.

— Куда направляешься? — спросил Джинн, когда мы входили в город.

— Равноду директору космопорта, — сказала я.

— Подожде до завтра.

— Не на слуху.

— Под мое внимание. Остановившись у меня в «Мекензи». А вечером поужинаем под ошвет в салуне.

Почему под свет?

— Здесь всегда свитает, предугадывая брошенную кошку или пистолетную вспышку.

— Так ведь закон запрещает ходить с оружием в общественных местах.

— Закон всегда молчит, когда умеют его обойти.

Нечего было зарочко «Меняши» подвалам дрезвным гостиницам. Основательный номерок с умывальником, но без душа и ванны — вода здесь ценилась дороже вина, — никаких кипючых радостей и электричного света.

Помый город, — помыли Джики, — строили наспех, в ружьицах и сапогах. Строить здесь со всеми удобствами невыгодно: основной контингент населения — рабочие. Патристическое меньшинство обосновалось в двух-трех зданиях, оборудованных соответственно вапши приваткам. Удешев отеч — переберемся на его пензенце. Места хватит.

В сауну было дымно и чадно от поджаривающегося тут же в зале мяса, от глосющих сигар, трубкой и сигарет. У столика не протолкнешся: или стои, облокотив, или прислонив к твердой пластмассе, — даже молнии лучиков не оставлял на ней следа. За столиком шумело по пять-шесть человек, десятки стоек в зале, десятки столиков с едой. Джики получил столик тотчас же, как только его заметил ব্যবসায়িক директор, этаким штанистик. Преобладали куртки и кофочки, буйвально затолпавшие дымавый простор сауны. И тотчас же за столиком лам причесали.

— Вуд меня счастья не будет, — хохотил он. — Будем жать, фортуна в брюках, — сказал Джики.

— А что? Я антипод Лайка. Где Чабби, там один неприятности, где я — удача.

Я молчал. Не хотелось связываться. Подали виски, и, отхлебнув из бокала, Джики снова вышел на тропу войны.

— Он мне даже не подлинул, — сказала Джики. — Он космополит.

— Где?

— У Альсо Криса.

— У Криску пропшел?

— Представь себе, с блеском.

— Отго! — В голосе Стива на миг промелькнуло почти уважение, ироче,м, точно же оценивше-ся бы его истеричность и разрывчивость.

— Знают, кактика будешь звать?

— Вуду, — сказал я скваз вонь.

— В золотой одежке. Думается, золото?

— Не душно.

— А что внутри, знаешь?

— А ты знаешь? — спросил Джики.

БУДЕТ ЛИ ДЕВУТ УДАЧЛИВЫМ?

В дни, когда это номер «Смена» выйдет в Ленинграде уже начнутся матчи международного турнира — вагончик борьбы за мировую шахматную корону. В советских участниках полюбивших соревнования, это молодые гротескисты ленинградцев Александр Карпов и Владимир Туманов и мастер из Кувьина из Вологодской области Владимир Кувина. Шахматисты-любители же хотя бы кому избуди из них поинтересуются победителями и получат задание тут же матч гротескист — претендент на звание чемпиона. Мы поинтересуемся нас вопросы мы получим ответ лишь в самом конце книги, когда над международным турниром в Ленинграде опустится занавес.

Пома же предлагаем нашим читателям разобрать интересные фрагменты характерные творческие работы нашего молодого трио.

Предлагаю качество игры в шахматы в форме неважно объективно сильнейших гротескист, поинтересуются, но не объективно авторитеты дружно согласны на то, что Александр А. Карпов — один из наших представителей в этом

Под редакцией мастера Виктора ЛЮБИНСКОГО

цикле роузматра мирового первенства. Он играет уверенно, легко, недвояко, хотя не чууждся ослепления и задорного риска.

К этому положению пришла после 21-го хода черных фигури А. Карпова с известным тульским мастером Угитбаевым из мирового мирной шахматной Олимпиады в Скопье. Советский гротескист, ироче,м, белыми, превозмогло победил после атаку притягательного короля.

24.Sd2 — e4 b7 — b3
25.Kg4 — e3 Cc6 — e4 Черные
26.Kf4 — e3
27.Kf4 — e3
28.Cc5 + и т. д.

— Знаю, Мастер «икс».

— Значит, металожи равны в этой задачке? Чему служиш, знаешь?

— Нет, конечно. И не интересуюсь — неважно. Мне дело — охрана порядка. Все надсмотрщик рудников. Подобрал из профессионалов. Водя тут уют.

За два-три столтика от нашей жойк шестеро мордатых, слепотых парней с бычьими пемшами, лениво расквашиваю то вправо, то влево, невозможно танцуя даже не слышу, а одну только фразу из песни: «Хорошо жить легко, широко... Хорошо жить легко, широко...»

— Вот мы жим и даем эту легкость и широту. Присмотр, хлыст и кредитные билеты Системы в джелезах белых Велосов колесо, но и работная не сахар. Металл «икс» радиоактивный, мощнее урана и горюдо токсичнее. Изучаю и после отнеси на обогатительной фабрике. Трудно тебе как с рабочими, директор. Мрут, как я и выжидаю.

— Где же их лечат? Я не видел болонки, — сказал Джики.

— Ей и нет. Зажившие лейкозом незначительны.

— Значит, металожи или просто клябиды?

— Вачем? А «зубучка» за что? Недалеко, всего километра полтора. Шахрыньш в пыломый песок, и затиснет. Как ложку в киселе.

— Джики как и сил: удержалось, как меня не вытолкнуло.

— Какая глусь! — не сдержался я.

— Здесь нет элетронной записи, Чабби, но я могу ее заместит. Так сказать, в индивидуальном порядке.

— Заменяй. Ты уже поплаз в меня на четвереньках. Поползешь еще раз.

— Не выйдешь, Чабби.

— Ты думашь? — холодно спросил я и тем же приемом — ребром ладони — стукнул его по шею.

Он свалился тут же, хлюпнул и встия.

— Бры ты его, — похоронил Джики.

— Вачем? — винуя я.

— Кто встанет, мальчик?

Гладкая, как бильярдный шар, голова склонилась над нашим столиком. Уоррен был в камуфляж курточке с золотой бляхой начальни-ка Службы безопасности.

— Не поладили, — дернул подбородком Джики, указывая на бархатящегося под ногами Дикого.

— Уоррен не слыша поплаз к столу.

— Если ты еще не в раю, Стив, встанай и не симулируй, — сказал он.

Стив Корборн, кряктя, поднялся, вытер слезы с лица, сел молча с отстрепиванной поспешностью.

— Значит, не поладили, — продолжал Уоррен, — а почему? Тебе слово, директор.

— А что? — спросил Джики, — выжидающе Джики. Стив рассказал о том, как хоронит в «зубучке» умерших от радиации. С таким удивлением рассказывал, что Чабби не выдержал.

— Уоррен уже не удержался.

— А чем еще он рассказывал?

— О радиоактивном металле «икс», — вмешался я, — и о незначительных лейкозах, об отсутствии медицинской помощи, о массовой смертности в городе. Ну, я и назвал его, как usual.

— Правильно, — вмешался Джики, — выжидающе Джики. Стив рассказал о том, как хоронит в «зубучке» умерших от радиации. С таким удивлением рассказывал, что Чабби не выдержал.

— Я просил его задержаться на день. Под мою ответственность. Надпись, ничего страшного, — виновато улыбнулся Джики.

— Страшно не произошло, — отнекинул Уоррен, — но мои приказы не отменяются, господи Фаветти. Никем, — подчеркнул он. — Запомни. А вам, Ладик, надлежит явиться уже же к директору. Комиссия, а, поскольку я здесь, как мне непосредственно. Удете на Планету не сегодня и не завтра. Пока транспорт готовится к полету и погрузка только началась, полагается за протестом поинтересоваться. Вы его холяя — вам и отвечать. Принимайте. А вы, Стив, — обернулся он к послушно выжидающему Дикому, — завтра же покажите директору все что собираетесь. Оно не ограничивается, как у Лайки, одной территорией. Начните с отправления карьеров, пожайте на обогатительной. У конвейера за задерживайся — побереги директора хотя бы от радиации. Без охраны пойдешь?

— Воду, — сказал Джики. — Лайка — e3

— Тогда же, — резюмировал Уоррен. — Вам тоже не советуя сидеть здесь допоздна. Денек будет шумный.

Он вышел, а Джики Стива, даже не протренившись с Фаветти. Ну, видно, спешит объясниться с Уорреном. Джим стал хмурый, скорее опечаленный, чем мелодовый.

— Не нравится мне все это, — сказал он.

— Не нравится мне складывающаяся ситуация.

— Привычка призраничать. Накалывай материал. Уоррен не бог, да и ты не комарик. Для начала снимки камерой उसे, что увидишь. Пригодится.

— Тогда же, — резюмировал Уоррен. — Вам тоже не советуя сидеть здесь допоздна. Денек будет шумный.

Он вышел, а Джики Стива, даже не протренившись с Фаветти. Ну, видно, спешит объясниться с Уорреном. Джим стал хмурый, скорее опечаленный, чем мелодовый.

— Не нравится мне все это, — сказал он.

— Привычка призраничать. Накалывай материал. Уоррен не бог, да и ты не комарик. Для начала снимки камерой उसे, что увидишь. Пригодится.

Подобление следует.

25. Cc4 — e4! Белые резко отвлекают материальные ресурсы и в темпе развязывают наступление.

26. Фh3 — f7 Крf3 — e5
27. Cc4 — a8 Крf8 — e7. Поляко был бы в хороше в варианте 27... g5 28. Фf1 — e2

28. Фh7 — e4 Фe5 — c7
29. Кf4 — g5 Черные отказались от оригинальной идеи роузматра поперек у В. Туманова. От него только никогда не усваивались возможности тактических решений. Вот, например, если задерживать его партия на последнем шаге, последним чемпионом мастером из Курганя Александр Зинберштейн, который играл белыми.

30. Кf4 — g5 Черные отказались от оригинальной идеи роузматра поперек у В. Туманова. От него только никогда не усваивались возможности тактических решений. Вот, например, если задерживать его партия на последнем шаге, последним чемпионом мастером из Курганя Александр Зинберштейн, который играл белыми.

31. Кf4 — g5 Черные отказались от оригинальной идеи роузматра поперек у В. Туманова. От него только никогда не усваивались возможности тактических решений. Вот, например, если задерживать его партия на последнем шаге, последним чемпионом мастером из Курганя Александр Зинберштейн, который играл белыми.

32. Кf4 — g5 Черные отказались от оригинальной идеи роузматра поперек у В. Туманова. От него только никогда не усваивались возможности тактических решений. Вот, например, если задерживать его партия на последнем шаге, последним чемпионом мастером из Курганя Александр Зинберштейн, который играл белыми.

33. Кf4 — g5 Черные отказались от оригинальной идеи роузматра поперек у В. Туманова. От него только никогда не усваивались возможности тактических решений. Вот, например, если задерживать его партия на последнем шаге, последним чемпионом мастером из Курганя Александр Зинберштейн, который играл белыми.

34. Кf4 — g5 Черные отказались от оригинальной идеи роузматра поперек у В. Туманова. От него только никогда не усваивались возможности тактических решений. Вот, например, если задерживать его партия на последнем шаге, последним чемпионом мастером из Курганя Александр Зинберштейн, который играл белыми.

35. Кf4 — g5 Черные отказались от оригинальной идеи роузматра поперек у В. Туманова. От него только никогда не усваивались возможности тактических решений. Вот, например, если задерживать его партия на последнем шаге, последним чемпионом мастером из Курганя Александр Зинберштейн, который играл белыми.

36. Кf4 — g5 Черные отказались от оригинальной идеи роузматра поперек у В. Туманова. От него только никогда не усваивались возможности тактических решений. Вот, например, если задерживать его партия на последнем шаге, последним чемпионом мастером из Курганя Александр Зинберштейн, который играл белыми.

37. Кf4 — g5 Черные отказались от оригинальной идеи роузматра поперек у В. Туманова. От него только никогда не усваивались возможности тактических решений. Вот, например, если задерживать его партия на последнем шаге, последним чемпионом мастером из Курганя Александр Зинберштейн, который играл белыми.

38. Кf4 — g5 Черные отказались от оригинальной идеи роузматра поперек у В. Туманова. От него только никогда не усваивались возможности тактических решений. Вот, например, если задерживать его партия на последнем шаге, последним чемпионом мастером из Курганя Александр Зинберштейн, который играл белыми.

39. Кf4 — g5 Черные отказались от оригинальной идеи роузматра поперек у В. Туманова. От него только никогда не усваивались возможности тактических решений. Вот, например, если задерживать его партия на последнем шаге, последним чемпионом мастером из Курганя Александр Зинберштейн, который играл белыми.

22. C: f3 — c3 23. e4 C: f1
24. L: h4 белым надо сложить оружие.

25. Kрf2 — e2 d4 — e3
26. Фf1 — e2 Фd7 — f3
27. Kрe2 — e1 Kc8 — b4!

Самобито, по-настоящему творческий ход Фd7 — f3. Минимум. Вуничально в наскок отбрасывает белых с массы немыслимых идей.

Типичнее для него явился бы ход Фd7 — f3. Минимум. Вуничально в наскок отбрасывает белых с массы немыслимых идей.

На диаграмме вы видите позицию, которую видите 11-го хода черных. Энергичный календарь.

28. Kрe2 — e1 Kc8 — b4!

29. Kрe2 — e1 Kc8 — b4!

30. Kрe2 — e1 Kc8 — b4!

31. Kрe2 — e1 Kc8 — b4!

32. Kрe2 — e1 Kc8 — b4!

33. Kрe2 — e1 Kc8 — b4!

34. Kрe2 — e1 Kc8 — b4!

35. Kрe2 — e1 Kc8 — b4!

Задача ШУКА

Перед вами позиция фантастическая позиция, и которую в боях все фигуры на исходных рубках, в то время как в распоряжении белых остался лишь один-единственный король.

Задача ШУКА

Перед вами позиция фантастическая позиция, и которую в боях все фигуры на исходных рубках, в то время как в распоряжении белых остался лишь один-единственный король.

Задача ШУКА

Перед вами позиция фантастическая позиция, и которую в боях все фигуры на исходных рубках, в то время как в распоряжении белых остался лишь один-единственный король.

Задача ШУКА

Перед вами позиция фантастическая позиция, и которую в боях все фигуры на исходных рубках, в то время как в распоряжении белых остался лишь один-единственный король.

Задача ШУКА

Перед вами позиция фантастическая позиция, и которую в боях все фигуры на исходных рубках, в то время как в распоряжении белых остался лишь один-единственный король.

Задача ШУКА

Перед вами позиция фантастическая позиция, и которую в боях все фигуры на исходных рубках, в то время как в распоряжении белых остался лишь один-единственный король.

ВИА ЖИЛИНСКАИТЕ,
лауреат
Государственной премии
Литовской ССР

— Не толпайтесь, граждане! — завершая вручу автомат произвольным женским голосом. — Тут вам не спальный двор. Поинтересуйтесь процессом!

Раздался веселый звон монет. Директор даме принастав, чтобы лучше видеть и слышать. На его лице отразился полный восторг: что может быть лучше, чем влюбиться в автомата магнитофонную пленку да парочку электрических билетов?

— Кто еще не взял билет? — раздраженно проворчал автомат. — Неужели труднее заранее приготовить мелочь, до того, как сидеть в машине? Шарит, шарит по карманам, пока не выскочат... Знаю вас как облупленных!

Автомат остановился.

— Пошевеливайтесь, пошевеливайтесь! — подгонял автомат выходящих из машины. — Полазу, как улитки...

— Куда прете, как очумелые? — одернула автомат новую пассажиром, разучившая в парадной части салона. — Сперва платите!

Автомобиль тронулся, и тут же послышалось:

— Отбойте от дверей, будьте вы несады! Стали, как колоды...

Через минуту автомат коварно заявил:

— Приготовьте билеты для контроля! — и со зловещим дождиком: — Ну сейчас вы попадете, голубчики, дядьки...

Ты что на меня навалился, медведь? — вздрогнул он после недолгой перерыва.

А когда реис подошла к монету, автомат резюмировал:

— Пропали они пропалом, все эти пассажиры! Автомобиль опустел, водитель и директор вскрылись, автомат и посетительки амуриду. Не веря своим глазам, директор приникал пересчитывать заново полученную сумму, названного переисходила обаяние стоимости оторванных билетов! Он хотел было расцарапать магнитофонную ленту, но директор-шофер, не зная, вмешался автомат:

— А ты что, «защитом» сидишь будешь? Водителя, тачку эту шлангу выключиши.

Директор, оторопев, высунул в пасть автомат все мелочь, что была у него в кармане.

— Со мною в жизни еще нинто так не... начал было он.

Вери билет, шланга! — обрвал автомат.

3 Пред тем как выехать на линию, водитель оклинул директора автобусного парка.

— Не хотите ли, — сказал он, — прокатиться в моей машине?

— Это еще зачем? — удивился директор.

— Да тут такое дело, — скрутился водитель, — я бытнгий автомат! А сколько народу «зайцем» ездит. Вот я и додумался, почему автомат не может тягаться с кондуктором.

— Ниту никакой связи с пассажиром... Да вы лучше хоть чего-нибудь со мной прокатитесь, — в эти-то словаи водителя распахнул дверцу машины.

Директор не удержался и вошел. Автобус отправился по маршруту. У задней двери стоял билетный автомат, такой же, как обычно, только чуть повыше. Был конец рабочего дня, и на первой же остановке машину приникал штуровать толпа пассажиров.

3 Наканомый скульптор поймал меня за пуговицу плаща.

И как раз завершало работу над медалью, посвященной выдающемуся английскому сатирику Свифту, — сказал он, — Уж кому-кому, а вам было бы стыдно не приобрести ее, — тонко польстился он моему тщеславию. — Пару медалей, — как бы между прочим заметил он, — купит Министерств культуры.

Вскинувшись бородо скульптора не позволила сомневаться в том, что медаль будет гениальной. Правда, последняя форма несколько противоречила этой уверенности, так же как и менее всеобщая переисвила, и в погонеидель великий Диконатан был удостоен на меня на дом.

Не отпаздывая в долгий ящик, я повесила доску с медалью на стену и принялась жадно рассматривать четко очерченный профиль классика. Мой взгляд принавало к себе огромное ухо, намного превышающее нормальные размеры. «Вот как бывает, — с грустью подумала я, — могла бы прожить всю жизнь и не узнать, что у Свифта были такие уши!» Я ощутила прилив признательности и уважения и вглядешу снова в медаль, внимательно глядя скульптора.

— Ну как? — индифферентно осведомился автор (даже если уже у него в кармане).

— Море экспрессии! — пробормотала я, все еще не в силах оторваться от уха. Рядом с ним прочие черты Свифта как-то терялись, таяли, назаисла неким-то неумным придиштом.

Я приняла море: скульптор размотал шарф и прошепел птерней по борде.

Я даа медаль, — пожаловался он, — выкала из меня все мои.

Выплате рюмочку, — предложила я, наливая коньяк.

— Материала по Свифту у меня было вполне достаточно, — признался гость, отложив медаль. — Когда-то я прочел всего «Гулливера». А в прошлом году у нас в подезде поселился Брюнос Литвинчик.

Я снова почтительно поглядела на медаль. Рядом с этим громадным ухом я тоже чувствовала себя большой: истинное величие возвышает и окружающее.

— Как увидел я этого самого Литвинчика, — вспоминал скульптор, — так сразу и полюбил Свифта! — Удивительной!

— Познаюишился с ним поближе, — скульптор любезно поглядел на Свифта, — убедился, что

это действительно исключительная личность. Как и биографий!

— Необычайная, — поддержала я, — завидная! — Ну это как сказать, — уточнила возразила он, — заведующий, может, и не столько бы.

— Да, да, вы правы, — послушно согласилась я. — У него было множество врагов.

— Недоброжелателей.

— Многие его не понимали...

— Издевались...

— Угрожали...

— Травили...

— Сделали за каздым его шагом...

— А он продолжал свое...

— Рискуя жизнью! — горячо подхватила я.

— Савь лет в Луксембург отбузд...

— Этого я не знала про Свифта, — похолодел, прошептала я.

— При чем тут Свифт? Я говорю о Литвинчике, — сказала скульптор и посмотрела на меня, как на недаренную маршину.

Поняв, что опростовослысая, я только и сумела вывадить из себя:

— Ой...

— Именно поэтому, — продолжал скульптор, — было не так-то просто заставить его позировать.

Напомнил мне повелел он промис свое штатное и не мог выйти из дому. Тогда-то и родился этот...

— Свифт!

И снова мои глаза, будто пригнанные магнитом, уставились на ухо великого сатирика. Оно как бы росло, ширилось, пока не заслонило собой не только Свифта, но и борду скульптора.

— Скажите, пожалуйста, — решилась я задать вопрос, — у Свифта действительно были такие уши?

— Уши? — переспросил скульптор. — Уши? — удивленно посмотрел он, словно только сейчас их увидел. — При чем тут уши!

Он встал, трижды оглянул свое шарфом и оскорбленно ушелся, оставив меня лицом к лицу с Литвинчиком, его большущим ухом и моей маленькой наждачкой: а ядрот и...

Перевел с литовской
Феликс ДЕКТОР

НАШ АДРЕС: 101457, ГСП, МОСКВА, А-15,
Булашнин проезд, 14.
ТЕЛЕФОН ДЛЯ СПРАВКИ: 253-30-87

Сдано в набор 10/IV 1973 г. А 02585
Усл. печ. л. 5,60. Уч.-изд. л. 11,55.
Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина,
125865, Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.

Подписано и печатно 10/IV 1973 г.
Тираж 1150 экз. № 1175. Газета № 520.
Формат 70 × 108/16.
Изд. № 1175. Газета № 520.
Формат 70 × 108/16.

Слова Геннадия ГЕОРГИЕВА,
Музыка Григория ПОНОМАРЕНКО

В КОМСОМОЛЬСКЕ- НА-АМУРЕ

То ли ветер, то ли буря
над сейдой тайгой поет,
В Комсомольске-на-Амуре
моя молодость живет,
В Комсомольске-на-Амуре,
в Комсомольске-на-Амуре,
в Комсомольске-на-Амуре
моя молодость живет.

Всужу я ее босою
утамного востра,
всужу я ее тамосо,
слово было все вчера...
В Комсомольске-на-Амуре,
в Комсомольске-на-Амуре,
в Комсомольске-на-Амуре
слово было все вчера.

Сердцу близок край, суrowик.
Пусть жиму я вдалеке,
знаю себя я снова
в каждом встречном парнеке.
В Комсомольске-на-Амуре,
в Комсомольске-на-Амуре
знаю себя я снова
в каждом встречном парнеке.

Время мчится все быстрее,
но я верю до конца:
не слабеет, не стареет
комсомольские сердца,
в Комсомольске-на-Амуре,
в Комсомольске-на-Амуре
не слабеет, не стареет
комсомольские сердца.

КРОССВОРД

Составил И. МОХОВ,
пос. Валаяц,
Удмуртской АССР

По горизонтали:

2. Шахтерский город в Подмосковном угольном бассейне. 8. Нарциссовая стоимость ценных бумаг, денежные знаки. 9. Нить для вышивания. 10. Мустаринное растение, листьями и корнями лечебна на полномочном мору. 12. Река в Южной Америке. 13. Жидкий углеводород для производства синтетического научна. 14. Шуточное или сатирическое подражание. 15. Южное плодородное дерево. 19. Форма стихотворного произведения. 23. Сторона прямоугольного треугольника. 25. Ноябрь. 26. Морская птица. 28. Идея, на раскол. 29. Самоходная сельскохозяйственная машина. 32. Научное сочинение. 35. Элемент вычислительной машины, воспроизводящий цифры. 37. Убедительность в искренности, честности. 38. Темп в музыке. 39. Областной центр в Узбекистане. 40. Французский писатель XIX века. 41. Художественный прием в литературе и искусстве. 42. Центр провинции в Италии. 43. Точка небесной сферы, откуда исходят пути метеоров.

По вертикали:

1. Пловинность. 2. Город в Суэской области. 3. Единича измерения количества теплоты. 4. Итальянский композитор XIX века. 5. Наименьшая по размеру скрипка. 6. Подставка для геофизических инструментов. 7. Военное звание. 15. Перерыв между действиями спектакля. 16. Рельеф земной поверхности. 17. Органическое удобрение. 18. Устройство для пуска двигателя внутреннего сгорания. 19. Синтетическая смола. 20. Вымысел, нечто невероятное. 21. Разновидность нажда, драгоценный камень. 22. Существенное, неотъемлемое свойство предмета, явления. 23. Лесная птица. 24. Духовой музыкальный инструмент. 27. Утверждение верхним органом государственной власти международного договора. 30. Орден. 31. Идея, по которому изготавливают однородную продукцию. 35. Приемник, совмещенный с элентронпроигрывателем. 34. Испонение музыкальных произведений по определенной программе. 35. Ядерная установка. 36. Коралловые нарты и другие приспособления для постановки парусов и сигнализации.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД,
НАПЕЧАТАННЫЙ В № 10

По горизонтали:

7. Диаметр. 8. Асифив. 9. Милитон. 10. Эпика. 12. «Скитфы». 14. Тобол. 16. «Валит». 18. Упол. 19. Нарок. 20. Судана. 21. Алтея. 23. Финин. 25. «Ирдинг». 27. Сочка. 28. Контебер. 29. Оучник. 30. Ледокол.

По вертикали:

1. Филатов. 2. Ферма. 3. Пролет. Нарал. 5. Минакс. 6. Телерин. 11. Королло. 13. Коллеттин. 15. Бородин. 17. Гайма. 18. Крона. 20. Судана. 22. Кичанов. 23. Феникс. 24. «Шинель». 26. Транс. 27. Среда.

ФАНТАСТИЧЕСКИЕ ПЛАНЕТЫ

Обычно у всех, кто смотрит картины художников-фантастов, возникает вопрос: «А как вам удалось это представить? Действительно, если художник пытается захватить воссоздать, например, картину заходящего солнца, то ему помогут в этом вполне реальные впечатления. Если же такую задачу поставит перед собой художник-фантаст, то ему придется полагаться в основном на свое воображение. Причем — это немаловажно — мир, рожденный в его фантазии, не должен противоречить данным научных исследований. Этим самым я вовсе не хочу сказать, что произведения художников-фантастов не должны ничем отличаться от фотоснимков, привезенных космическими кораблями. Нет, это искусство, живущая на основе вечных законов искусства, однако выход ее проблематики за земные рамки порождает новые цветовые комплексы, измененные перспективы, необычные формы. В этом убеждают работы сочинского художника-фантаста Георгия Курнина.

Вот они, фантастические планеты: синего солнца, зеленого, желтого, рубиново-красного. Рождаются в вулканических глубинах новые образования, пульсируют, освещая ровными вспышками далекие планеты, таинственные светила...

Георгий Курнин очень долго продумывает, «просматривает» и даже «прослушивает» свои картины... Его фантазии, запечатленные на холсте, поражают одновременно и своей невероятностью и в то же время реальностью. Космонавт Виталий Севастьянов, оценивая работы Г. Курнина, писал: «Меня поразило то впечатление, которое есть у художника, столь яркое и реальное». Чтобы развить в себе эту способность, Г. Курнин в течение многих лет писал картины на тему «Мир по памяти». И только после этого стал воссоздавать воображаемые картины новых планет, «Мир, в который я переселился, работая над картиной», — говорит Георгий Курнин. — «Становится для меня как бы второй реальностью».

Валерий ВАНИЧЕВ